

АНТОНИНА КРУПНОВА

СКАЗКИ НОВОЙ
МОСКВЫ

18+

Антонина Крупнова

Сказки Новой Москвы

«Автор»

2026

Крупнова А.

Сказки Новой Москвы / А. Крупнова — «Автор», 2026

Мия живет в Москве, работает секретарем и мечтает стать историком. А еще каждый день заходит в маленькую кофейню у Сухаревской — просто потому, что там работает симпатичный бариста. Даниил — симпатичный бариста, но на самом деле — падший ангел, который мечтает вернуться домой, на Небеса. Он живет около Сухаревской, держит кофейню и охраняет невидимую для смертных Сухареву башню, в которой живет колдун Яков Брюс, и старается не вмешиваться в человеческие дела. Но однажды другой ангел насылает Мию проклятье. Теперь Даня — единственный, кто может ее спасти. Им придется отправиться в путешествие по Москве, которой Мия никогда не знала: из современной столицы — в Москву XVII и XIX веков. Их ждут старые тайны, магия, опасные враги, поиски древнего артефакта и заговор, последствия которого могут изменить не только их судьбы.

© Крупнова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ I. О том, как правильно снимать проклятья	9
Глава 1.	10
Глава 2.	18
Глава 3.	23
Глава 4.	29
Глава 5.	33
Глава 6.	41
Глава 7.	46
Глава 8.	52
Глава 9.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Антонина Крупнова

Сказки Новой Москвы

Пролог

Московский колдун, хранитель Сухаревой башни Яков Вилимович Брюс отложил перо в сторону и потерял глаза. Летний день становился вечером. В кабинете заметно потемнело и работать стало сложно.

Он встал из-за стола, чтобы найти огниво и зажечь свечи. Но тут от теплого ветерка призывно скрипнули створки на окнах, и Брюс решил сначала выглянуть на улицу.

Вид из башни открывался отличный. Прямо под ним машины гудели в пробке на Садовом кольце. Они проезжали прямо через первый этаж башни, не видя и не чувствуя ее. Странноприимный дом широким объятием раскинулся на противоположной стороне дороги. Августовские закаты завораживали яркими красками.

Уже почти три сотни лет Брюс наблюдал эти закаты, и они ему все равно не надоедали. Однако...

Он посмотрел на массивные напольные часы. Его гость запаздывал.

Стоило только об этом подумать, как внизу башни послышался шум и скрип петель, а потом глухие шаги на каменной лестнице.

Дверь в кабинет резко распахнулась. Заворчали широкие деревяшки, из которых она была собрана.

— Даниил, однажды ты ее все-таки сломаешь, — сказал Брюс в сторону проема.

На его губах появилась мягкая улыбка, с какой старики обычно смотрят на внуков.

Его гость был высоким, худощавым, но крепким, с копной торчащих в разные стороны светлых, почти белых волос. Лицо его выглядело молодым, почти мальчишеским, если бы не угрюмость и не взгляд темных, почти черных глаз — тяжелый и цепкий.

Брюс машинально поправил рукава своего любимого шлафрока* с золотым шитьем. Моде, принятой при его жизни, он не изменял.

Даниил был одет по моде эпохи, в которой они сейчас находились: синие джинсы, безразмерная белая футболка, на которой в паре мест были видны пятна от кофе, белые кеды с серой от московской пыли подошвой.

— Здравствуй... колдун. — Голос Даниила одновременно казался и молодым, и взрослым из-за осиплости, а последнее слово взлетело после короткой паузы, как будто говоривший в последний момент вспомнил об этом обращении.

Брюс улыбнулся шире и жестом указал на свой стол.

— Рад тебе! Вот, работаю, как и обычно! Выпьешь чего-то? Чаю? Может быть, чего-то... покрепче? У моей дочери сегодня именины...

— Твоя дочь давно мертва, — перебил его Даниил, — и я не пью.

Брюс не изменился в лице, лишь немного, с доброй хитрецей, сузил глаза.

— Но на прошлое Рождество выпил.

— Потому что ты подлил алкоголь мне в чай. — Даниил рассерженно нахмурился и от этого стал выглядеть совсем как мальчишка. — Из-за этого я вернусь домой позже, чем мог бы, — добавил он раздраженно.

Брюс открыл рот, как если бы хотел что-то возразить, но промолчал.

Даниил подошел к нему близко, вытянул руку. На шее Брюса висел массивный медальон на длинной крепкой цепочке: круг, где были, как по углам треугольника, выбиты три основных алхимических элемента, а в центре — мутный серый камень. Про него Брюс первые пятьдесят

лет знакомства с Даниилом шутил, что он философский, но потом признался, что этот камень нашла его жена в день их с Брюсом свадьбы, и никакой ценности, кроме как сентиментальной, он не несет.

Даниил посмотрел тогда сумрачно. Возможно, шутку он не оценил. Возможно, он не оценил ее с самого начала — ведь наверняка в ангельских силах сразу же понять, что камень никакой не алхимический.

Как бы то ни было, сейчас медальон был важен — и для Брюса, и для Даниила, и для покоя всего мира.

Даниил провел рукой по камню — Брюс почувствовал, как металл потеплел, — потом кивнул сам себе.

— Как твои колдовские работы... — начал он, опять запнувшись в конце. Может быть, хотел сказать «колдун», но понял, что повторяется.

— Хорошо, — тут же послушно ответил Брюс, — все очень хорошо. Я уже говорил в прошлый раз, что перемещение в этой точке пространства, но во времени, кажутся мне возможными и для челов...

— Нет! — Даниил скривился. — Ничего не желаю знать о твоих колдовских проклятьях!

А все-таки оговорился! Но Брюс и на это смиренно кивнул. Три (или четыре?) раза «колдун» за одну встречу — его гость сегодня определенно не в духе.

— Как дела в кофейне? — вместо этого спросил он, делая приглашающий жест в сторону двух массивных деревянных кресел у стены.

Брюс их особенно любил, потому что сделал их ему в подарок никто иной, как император Петр I, хотя в тот момент императором тот еще не был. В хорошие дни ему даже удавалось уговорить Даниила расположиться в одном из кресел и вовлечь его в беседу. И тот иногда даже слушал, а когда настроение было совсем хорошим — задавал вопросы.

— Я осмотрю башню, — вместо ответа сказал Даниил и, как делал каждый месяц на протяжении двухсот восьмидесяти девяти лет их знакомства, пошел проверять силу чуда на башне.

Для этого Даниил, или, если точнее, падший ангел Силы Даниэль, в наказание за свои преступления направленный на Землю служить охраной колдуну Якову Брюсу, пошел по комнатам башни, проверяя, что ее чудо и границы в силе.

Башня, конечно же, не была Сухаревой башней, которую знали смертные. Ту разобрали по камням в 1934 году.

Это был призрак, невидимый людям. Дом для колдуна Якова Брюса, одного из хранителей Чистилища. Он был, в каком-то смысле, и узником Башни, и защитником людей — ведь без него мир давно бы погрузился в хаос и погиб...

Вечная жизнь, возможность вести свои исследования и встречаться с такими же, как он, талантливыми оккультистами, лучшими учеными, какие только рождались за тысячелетия истории людей. И вместе с этим — заточение в Башне и соглядатай, который приходил раз в месяц.

С зари истории человечества за колдунами следили падшие, или, как иногда говорили, «наказанные» ангелы, провинившиеся за какое-нибудь недостойное ангельского чина поведение. Они отправлялись к смертным и отбывали среди них наказание. Если вели среди людей жизнь праведную, не грешили, то возвращались быстро, лет через сто-двести.

Даниил был среди людей уже почти триста лет. Брюс не знал, за что его сослали, и не расспрашивал — о взрывном характере своего «надсмотрщика» он догадался сразу, стоило увидеть его сверкающие непримиримостью глаза.

Но Даниил хотел домой. Так, по крайней мере, он признался спустя десять лет их знакомства. Но домой его не отправляли, как бы тот ни старался. Брюс опять же не знал, какую жизнь ведет его соглядатай, но почему-то он был уверен, что никаких лишних грехов Даниил

себе не позволял — по крайней мере не таких, за которые стоило бы продлевать его высылку. Несколько капель алкоголя в праздники — тут Брюс надеялся на благоразумие небесного начальства — не шли милому, пускай и хмурому ангелу в грехи.

— Позволено ли мне узнать, что случилось? — решил спросить Брюс, когда Даниил закончил обход и вернулся в его кабинет. — Я чувствую, что что-то не так.

В ответ Даниил нахмурился, отвел взгляд. Брюс не стал переспрашивать, но с места не сдвинулся, показывая, что все же желает услышать ответ.

— Я чувствую, что Габриэль не на месте.

— Ах, Гавриил... — вздохнул Брюс и понимающе кивнул. — И ты думаешь, что он направился к тебе?

— А к кому еще? Он и эта его... эти его... существа.

— Даже если они приедут к тебе, ты справишься, как и всегда. — Брюс не смог удержаться от покровительственно-опекающих ноток в голосе.

Даниил скривился.

— Как и всегда, конечно, — бросил он.

— Может, все-таки чаю? — Брюс указал рукой на столик.

— Хватит, колдун! Я закончил.

Брюс тихо вздохнул и проследил за ним, пока тот отступал к двери. Сложный, острый характер, и все же Брюс не мог на него ни сердиться, ни обижаться. Ни сегодня, ни в любой другой день — просто потому что он помнил грустные и потерянные глаза Даниила, когда он первый раз пришел к нему в башню. Глаза, в которых горела обида и желание доказать всем, что он достоин вернуться... Сейчас огонь уже угас, осталась только серая тяжесть угасающей надежды.

Брюс хотел бы предложить Даниилу и свою дружбу, и хоть какое-то тепло своего дома — да только тот не соглашался.

— Прощай, — буркнул ангел напоследок, — увидимся через месяц.

Дверь за ним со скрипом закрылась.

Брюс прошел через кабинет и перешел в свою спальню. Минул широкую кровать под резным балдахином, распахнул ставни на окне, которое выходило на противоположную от Садового кольца сторону.

Даниил вышел из башни, скрытый чудом, сделал два шага вперед и вошел в толпу спешащих к метро людей. Брюс знал, что никто из них не заметил, как буквально из ниоткуда появился мрачный юноша в белой футболке.

Он прошел площадь, приблизился к домику в два этажа, стоящему в самом начале Сре-тенки. Над одной из дверей висела деревянная табличка с лаконичной надписью «Кофе».

Каждый ангел, отправленный к смертным, должен был жить рядом со своим колдуном. Уезжать на некоторое время не возбранялось, но Даниил почти никогда не пользовался этой возможностью. Когда ему становилось, по его словам, «греховно жить в праздности», он открывал какое-нибудь заведение — магазин, ресторан. Последние пять лет он держал кафе.

Брюс считал, что на самом деле Даниил просто хочет видеть людей и общаться с ними, и никакая праздность и ее греховность тут ни при чем. Другие ангелы спокойно жили рядом с колдунами, занимая себя лишь чтением или прогулками.

Проводив Даниила взглядом, Брюс вернулся к работе. До ежегодной встречи колдунов оставалось еще почти полгода, но ему хотелось показать свои наработки в лучшем виде.

Путешествия во времени — назад, разумеется, в будущее путешествовать просто невозможно.

Конечно, это были эксперименты лишь для лабораторного применения, но...

Брюс коснулся рукой медальона на шее.

Но если получится, то он точно получит звание самого выдающегося колдуна десятилетия, если не последних ста лет.

Он покачал головой и перевел взгляд на портрет на стене. Он, еще молодой, в парадном парике. Рядом пышная, невероятно красивая женщина. Её Маргарита... На портрете, конечно, не было их дочерей, которые, к его горю, так и не успели стать взрослыми.

Брюс некоторое время неподвижно смотрел на портрет, потом тряхнул головой, подошел к столу и взялся за перо.

Формулы сами себя не напишут, а артефакт не получит новую магию.

Так он проработал до конца дня. Короткий сон, и с рассветом Брюс снова был за столом.

День прошел спокойно и одиноко, как обычно. Однако когда Брюс лег спать, то ощутил странное, непривычное беспокойство. Определить его причину или описать как-то конкретно у него не получалось. Ощущение это было, однако, кратким, словно быстрый укус комара — пожужжало рядом, да пропало.

Вероятно, подумал тогда Брюс, это кто-то из его коллег в соседних странах работал с материей мира и немного перестарался.

Утром он подумал, не стоит ли связаться с Даниилом, но, вспомнив его настроение во время последней встречи, решил не дергать по пустякам.

Еще один день за работой и еще один яркий закат над Москвой. Брюс уже встал из-за стола, чтобы задуть подсвечник, когда почувствовал это снова — слом в материи, неправильность... но теперь уже совсем близко.

Пламя свечей тревожно колыхнулось. Створки окон распахнулись, чтобы сразу же захлопнуться с глухим звуком.

Брюс замер.

— Тебя не должно быть здесь, — сказал он в пространство перед собой, — но ты, конечно же, не могла не обставить свое появление эффектно.

И тут же он обернулся, чтобы встретиться почти лоб в лоб с низкой фигурой, замотанной в черный балахон. Лицо гостьи закрывала серая вуаль.

— Не должна быть. Но я тут.

Говорила гостья на русском, но с сильным акцентом. Брюс поморщился. Переходить на местный язык не было надобности, ведь его разум воспринимал любые языки без барьеров. Это был вызов и была поза.

— Донна Луна... чем обязан?

Брюс старался говорить спокойно, одновременно пытаясь понять, что его гостье могло быть от него нужно и как она вообще смогла попасть сюда. Контакты колдунов между собой были запрещены за исключением их ежегодной встречи.

— Обязан? — голос из-под вуали звучал глухо. — Что ты... это мы можем быть тебе обязаны.

— Мы?.. — Брюс тронул амулет.

— Конечно... Яков... Нам надо поговорить.

*Шлафрок — разновидность халата, был популярен в XVIII–XIX веках

ЧАСТЬ I. О том, как правильно снимать проклятья

ЧАСТЬ I. О том, как правильно снимать проклятья

Глава 1.

— Нет, боюсь Максим Леонидович никак не сможет вас принять. — Мия уже с трудом удерживала на лице отстраненно-вежливую улыбку.

— Но я знаю, что он не занят! Моя подруга записалась к нему и отменила встречу! Так что у него сейчас никого! Я пришла в свободное окно!

Мия едва не поддалась порыву прикрыть глаза рукой. Ну разумеется. Подруга записалась, чтобы потом отмениться и дать возможность неостановимой Валентине Вячеславовне все-таки добиться приема...

Мия — секретарь широко известного в узких кругах и очень модного мануального терапевта Максима Леонидовича Родионова — держала оборону в его небольшом частном салоне в районе Сретенки.

Салоном это, конечно, можно было назвать с натяжкой. Всего три комнатки: приемная, где стоял стол для секретаря и диван для посетителей, комната для отдыха самого Родионова, да приемная.

Все оформлено в теплых восточных мотивах, которые должны были напоминать о далеких Индиях и прочих экзотических странах. Полумрак, мантры на фоне — начальник Мии знал, как создать нужное настроение. Помимо этого, он был и правда талантливым массажистом, который по веянию эпохи назвал себя «мануальным терапевтом». Однажды он выправил спину какому-то крупному чиновнику. После этого от клиентов не было отбоя, но превращать свой салон во что-то более массовое Родионов не хотел, а потому просто поднял стоимость и стал отказывать тем, кто ему не нравился. Например, пышногрудой даме, жене не самого чистоплотного бизнесмена, которая сейчас легла грудью на банкетку, объясняя Мие, что «без волшебных рук Максима Леонидовича» она умрет.

Мия за полгода работы с Родионовым уже привыкла ко всякому и ко всяким. Ей не нравилось спорить, не нравилось противостоять и быть строгой, но приходилось.

Она позволила себе пару мгновений потеревить локон черных выющихся волос, потом снова подняла глаза на Валентину Вячеславовну и покачала головой.

— Я боюсь, что ничем не смогу помочь. Максим Леонидович не сможет вас принять.

Лицо Валентины Вячеславовны покраснело, а ноздри яростно раздулись.

— Да как вы смеете...

Дальше Мия несколько минут слушала, насколько она непрофессиональный работник. Стараясь пропускать все слова мимо себя, она взяла телефон. Быстро и как можно более незаметно написала сообщение:

«Она все еще здесь. Ждите. Я напишу», — и отправила его начальнику.

Ушла Валентина Вячеславовна через несколько показавшихся Мие бесконечными минут. Она хлопнула дверью так, что перегородки в приемной затряслись — офис был в доходном доме XIX века со своеобразной планировкой, и пространство для секретаря было отгорожено картонными стенками.

Еще через десять минут дверь открылась, и на пороге возник плотный мужчина с сильными плечами, одетый в простые штаны и серую льняную рубашку.

— Мия Михайловна, вы моя спасительница! — в своей обычной немного экзальтированной манере воскрикнул он. — Не забудьте выписать себе премию!

Мия только улыбнулась в кружку.

Премии ей, конечно, никакой за это не выпишут, но Родионов и так платил неплохо. Мия устроилась к нему после двух лет работы в огромном офисе в Сити, где она ужасно устала от толп посетителей и шума вокруг. У него же было тихо и относительно спокойно, если не брать в расчет некоторых очень настойчивых просителей.

Когда Родионов принимал ее на работу, он спросил, чего же она хочет. Она тогда прямо и ответила: спокойствия и денег. Он рассмеялся.

Мия не лукавила. Получив несколько лет назад какое-то совершенно бессмысленное с ее точки зрения образование управленца, она сразу же поняла, что хочет двух вещей: нового образования и путешествий. И для этого ей нужны были деньги. Сейчас она готовилась поступать на исторический — не в этом году, а через год, и все лишние деньги тратила на учебники и на поездки, туда, куда могла. Наверное, не слишком яркая карьера для двадцати пяти лет, но в ее жизни сложилось вот так, и Мия старалась жить с тем, что есть.

Дальше рабочий день шел спокойно: несколько приемов, несколько отстраненно-общих разговоров с Родионовым.

— Какие же у вас планы на вечер, Мия Михайловна? — спросил он под конец дня в обычной своей немного мурлыкающей манере.

— Ничего особенного, — сдержанно улыбнулась Мия, допечатывая последний документ, ответ на приглашение на какой-то очередной симпозиум по нетрадиционной медицине, — идем с подругами в театр.

— Ах с подругами! А почему не на свидание?

Мия смущенно пожала плечами.

— В следующий раз обязательно на свидание! — сказал Родионов и ушел в свою комнату отдохнуть.

Мия покачала головой и посмотрела на пустую кружку.

Свидание...

Что ж, за кофе она по крайней мере точно собиралась зайти.

Она отправила письмо, выключила компьютер, накинула черный кардиган поверх клетчатого платья и вышла на улицу. Через несколько шагов она оказалась на Сретенке и пошла вниз, к Сухаревской.

У нее оставался час до встречи с Ирой и Олей — как раз столько, чтобы успеть выпить кофе и перекусить.

— Мия, это всего лишь кофе.

Это она говорила сама себе всю дорогу.

Она добралась до сквера около Сухаревской, свернула направо и оказалась под не приметной коричневой вывеской.

Кого она обманывала? Это, разумеется, не был «всего лишь кофе».

Слишком липкими становились ее ладони и слишком громко начинало стучать в ушах всякий раз, как она оказывалась здесь.

Мия потянула ручку на себя. Дверь открылась без скрипа, и она вошла в помещение под низким потолком. Внутри — шесть хаотично расставленных столиков, по четыре стула около каждого. Дальше стойка с кассой, нехитрым набором сэндвичей и выпечки.

К кассе стояла небольшая очередь, и Мия приткнулась в самый конец, радуясь возможности немного справиться с привычным, но неизбежным волнением.

Полгода назад, когда она только-только устроилась к Родионову, она случайно наткнулась на это кафе. Неприметная и отстраненно-обезличенная вывеска — просто «Кофе» — подтолкнула ее к тому, чтобы зайти. По ее опыту, за самыми скучными дверями обычно скрывались самые интересные люди и места.

Чутье не подвело.

Зал тогда, в ее первый визит, был почти пустым, и она сразу подошла к стойке. Бариста стоял у кофемашины, спиной к ней.

— Что закажете? — спросил он, не поворачиваясь. Молодой, но осиплый голос.

— Капучино, пожалуйста. И дополнительную порцию эспresso. — Она заказала то, что пила всегда.

Кофемашина загудела, а Мия начала наблюдать, как ловко бариста справляется с готовкой, как двигаются его руки, как играют мышцы под рукавами белой рубашки.

— Вот. — Наконец он развернулся.

Взгляд темных, почти черных глаз скользнул по ее лицу, встречаясь с ее глазами, и Мия замерла на несколько мгновений, не в силах разорвать зрительный контакт.

Она быстро вспомнила, что так смотреть неприлично, схватила кофе... и смутилась настолько, что забыла заплатить. Бариста ничего ей не сказал. Опомнилась Мия уже у самой двери. Охнула, покраснела, бегом вернулась к стойке.

И тут уже, пока доставала банковскую карточку, она решилась рассмотреть обладателя черных глаз получше.

Перед ней оказался молодой парень, как будто ее ровесник или несильно старше. Резкие, грубоватые черты лица. Светлые почти до белизны волосы образовывали хаотичное облако вокруг головы и выглядели так, словно их уложил очень сильный и долгий порыв ветра. И глаза — слишком взрослые для того возраста, на который он выглядел.

На ее оплошность с оплатой он, кажется, не обратил никакого внимания.

Когда Мия вышла из кафе, все еще красная от смущения, она решила, что больше никогда не станет сюда возвращаться, после такого-то позора.

Однако в ней тут же разыграл дух противоречия. Если ей стыдно — значит точно надо вернуться. Это она и сделала, на следующий же день, решив взять кофе перед началом рабочего дня.

В этот раз к стойке стояла внушительная очередь. Готовил кофе все тот же светловолосый бариста, и Мия очень старалась не разглядывать его, пока ждала. Когда впереди остался один только средних лет мужчина в офисном костюме, он обратился к бариста по имени.

— Дань, ну как обычно!

Даня. Даниил. Вот значит, как его зовут.

И это «как обычно» стало «как обычно» и для нее. Мия сделала кофе своей обязательной точкой в маршруте рабочего дня. Бариста делал ей неизменный двойной капучино с дополнительной порцией эспрессо. Она не показывала, что знает его имя. А он никогда не спрашивал, как зовут ее.

Через некоторое время Мия поняла, что ждет начала рабочей недели. Через пару месяцев она не выдержала и пришла в кафе в выходной. С ней увязалась ее подруга Ира.

— Какой страшный! — охнула она, когда они вышли на улицу.

— Нормальный, — обиженно буркнула Мия, делая глоток потрясающе вкусного кофе.

Попутно она подумала, что никогда не видела за стойкой никого, кроме Дани.

— Ох да ну, рожа злобная! — Ира не унималась. — Неужели ты думаешь его куда-то позвать? Сразу все по глазам видно. И ты еще отказываешь моему брату!

Мия не обижалась. Ира все же больше шутила, чем говорила всерьез. Про брата, однако, правда. Как ни крутился он вокруг Мии, как ни предпринимал одну, вторую, третью попытку, у нее не получалось пересилить себя и сглотнуть тот ком внутри, который вставал, стоило ей подумать об отношениях с ним. Об отношениях с кем-либо, если быть совсем честной с собой.

Потому, наверное, Мия и возвращалась в кафе — не только из-за того, что кофе был хорошим.

Просто ей, впервые за двадцать пять лет жизни, кто-то и правда понравился.

Она честно пыталась влюбиться — и в школе, и в институте. Она ходила на свидания. Она искала чувства. Но внутри все оставалось ровным. Причину она, конечно же, знала. И к психологу тоже ходила. Но осознание того, почему она такая, никак не меняло, происходящего внутри нее.

Понимала Мия и то, что понравился ей этот хмурый умелец вкусного кофе наверняка из-за того, что он был каким-нибудь сложным, поломанным, странным и наверняка, осмелюсь она с ним по-настоящему познакомиться, сделал бы ее ужасно несчастной.

Поэтому она и не знакомилась. Просто смотрела издали — потому что и выкинуть его из головы не могла. От вида того, как он ловко работает у кофемашины, внутри сладко и так непривычно тянуло.

А если бы он предложил? Конечно, для этого не было причин... Но Мия иногда фантазировала, как он медленно протягивает ей кружку, как смотрит в глаза, как улыбается тихо и смущенно — хотя она никогда не видела, чтобы Даня улыбался, — и спрашивает, как ее зовут. А потом — и ее номер телефона.

Конечно же она бы согласилась!

А может быть стоило заговорить с ним самой?..

Об этом она размышляла все чаще, и маятник ее настроения качался от чувства безраздельно захлестывающего стыда до безотчетной храбрости человека, увлекающегося подкастами о женской независимости.

Пока что Мия жила посередине и не делала ничего. Ну, кроме того, что снова и снова приходила в кафе.

Сегодня Даня выглядел как будто мрачнее обычного. Он даже не посмотрел на нее, только выслушал заказ и тут же отвернулся к кофемашине. Загудела молотилка. Мия тихо вздохнула.

И тут в груди появилось странное давящее беспокойство. Сразу же, стоило ей осознать это, дверь в кафе распахнулась с мелодраматической силой. Мия обернулась, и, как оказалось, так поступили все, кто был в кафе.

На пороге стояло четверо.

Юноша за двадцать, шатен с короткими волнистыми волосами. Его можно было назвать красивым, но Мие черты его лица казались правильными настолько, что это пугало.

Позади него стояли три девушки примерно одного роста, очень похожие. В первое мгновение Мие показалось, что они близняшки. Но нет, на самом деле они отличались и лицами, и цветом волос. Объединяло их одно: отстраненный взгляд, как будто они были не вполне в сознании: они смотрели в пустое пространство перед собой, а не на людей в зале.

Квартет, шагая почти синхронно, пошел к стойке, и очередь безмолвно подвинулась, пропуская их. Через мгновение юноша уже опустил локти на стойку и скосил взгляд прямо на Мию, которая по-прежнему ждала свой кофе.

— Добрый день... — протянул он, вальяжно растягивая звуки.

Смотрел он прямо на Мию, как будто обращаясь именно к ней.

Отвечать не хотелось, но надо было хотя бы из вежливости, и она замерла, не понимая, как поступить.

В этот момент на стойку с удивительно громким для картонного стаканчика звуком опустился ее кофе.

— Ваш заказ, — резко и сухо бросил Даня.

Мия обхватила стаканчик обеими руками. Шатен еще несколько мгновений пристально смотрел на нее, а потом резко повернулся к стойке и расплылся в неестественно-радужной улыбке.

— Дэн, сколько лет. Сделай-ка нам какао! С беленьким зефирками, как там их, ну маленькими такими...

Мия увидела, как лицо одной из девушек оживилось, словно она окончательно проснулась, а губы растянулись в кривой улыбке.

— Маршмеллоу, — подсказала она, наклонившись к плечу юноши.

Тот щелкнул пальцами.

— Точно! Да, маршмеллоу и побольше. Четыре порции. Обслужишь по дружбе вне очереди? — Он подмигнул и расплылся в демонстративной улыбке.

Даня ничего не ответил. Лицо его всю сцену оставалось каменным. Он просто отвернулся к кофемашине, не обращая внимания на недовольное ворчание в очереди, и потянулся к банке с какао.

Мия наконец-то смогла заставить себя сдвинуться с места. С кофе в одной руке, придерживая лямку сумки второй, она пошла к выходу. В этот момент внутри сумки начал вибрировать ее телефон. Она чертыхнулась — достать никак не получалось. Мия остановилась, опустив сумку на только что освободившийся столик и начала ворошить внутри рукой.

— Добрый день, — голос за ее спиной раздался так внезапно, что она подпрыгнула.

Сумка полетела на пол, что-то кляцнуло по плитке.

Мия обернулась. Рядом с ней, забыв о любом понятии личного пространства, стоял все тот же гнетуще-красивый юноша.

— Здравствуйте, — сглотнула она, не понимая, чем вызвано такое внимание.

Мия успела заметить, что три спутницы ее собеседника уже смогли каким-то образом найти себе большой столик в набитом людьми кафе и сидели, глядя прямо перед собой пустыми глазами.

— Как вас зовут? — тягуче спросил юноша.

Мие захотелось сделать шаг назад от него, но не хотелось показывать свою реакцию, поэтому она сдержалась. Но прежде чем она что-либо успела ответить, за спиной ее нового еще не-знакомца выросла высокая худощавая фигура.

— Какао, — резко сказал Даня и пихнул юноше в грудь переноску с четырьмя стаканчиками.

— С маршмеллоу? — юноша растянул губы в ухмылке.

Даня ничего не ответил, но продолжал стоять на месте, тяжелым взглядом буравя своего посетителя.

— Ладно-ладно, ухожу, — тот поднял свободную руку в примирительном жесте, а потом снова скользнул взглядом по Мие.

Непонятым, сложным взглядом: заинтересованным, но не так, как смотрят обычно мужчины. Нет, тут было что-то другое, и Мие и хотелось понять что именно, и одновременно хотелось, чтобы этот человек поскорее от нее отошел.

Она опустила вниз, суетливо собрала в сумку все, что увидела на полу, выпрямилась. Даня не смотрел на нее — он провожал взглядом любителя какао, который уже отошел к своему столику и раздавал стаканчики спутницам. Выглядело это немного странно: каждая из них оживлялась в момент, когда стаканчик касался рук, но потом ставила напиток на стол и взгляд снова стекленел.

Мия заставила себя отвернуться. Может быть, они были под каким-то наркотическим веществом? Или они не очень здоровы ментально? Но все втроем и одинаково?.. Как такое может быть?

Даня уже вернулся за стойку, она и не заметила, когда это случилось. Хотелось обмануть себя, что он вышел в зал, чтобы защитить ее от общения с неприятным человеком. Хотелось — но она не станет.

Она уже начинала опаздывать в театр, поэтому вышла, наконец, из кафе, попутно перезванивая на пропущенный звонок.

— Миюшка, здравствуй. — Она услышала мягкий и глубокий голос деда. — Прости что отвлекаю.

— Что ты, совсем нет. — Она улыбнулась.

— Я хотел предупредить, что уеду сегодня на несколько дней. Сережа внезапно нагрянул из Владимира, это мой еще университетский друг, вдруг его помнишь... Так вот, они там что-

то где-то арендовали, какой-то домик, зовут вспомнить, что мы все еще не настолько стары. Обман, конечно...

— Хорошо, — рассмеялась Мия, — отлично тебе провести время!

Они попрощались. Мия побежала по ступенькам вниз, ко входу на станцию. Значит, она на несколько дней в квартире одна. Ей это не слишком нравилось, тишина пугала. Но Агафон Петрович, ее дедушка, с которым она жила в небольшой квартирке в районе Первомайской, был несмотря на возраст человеком активным. У него было много друзей, знакомых и просто благодарных ему людей, он часто ездил по гостям и путешествовал, поэтому Мия за те пять лет, что провела с ним в Москве, волей-неволей привыкла ночевать в квартире одна. Привыкла — но не полюбила.

Ира и Оля уже ждали ее у театра. Они шли на мюзикл, и Мия очень надеялась на то, что представление сможет отвлечь ее от неприятной сцены в кофейне.

Так и было: любимый сюжет, отличные голоса, и Мия в конце первого акта расслабилась и уже всю подпевала.

В антракте они смогли пробиться в буфет.

— Ну как там твой массажист? — спросила Ира, залпом допивая бокал игристого.

— Все хорошо. — Мия сделала осторожный глоток.

— Повезло тебе с ним, — заметила Оля, которая на пальцах подсчитывала, не разорит ли ее второй бокал, — у меня начальник просто жесть. Чтобы уйти сегодня ровно в шесть, мне пришлось его за неделю предупреждать.

— А что тот страхолюдина? — Ира прищурилась, а Оля хихикнула.

Мия невольно смутилась и опустила взгляд.

Вдруг к их столику подошел высокий юноша в костюме.

— Доброго вам вечера! — Смотрел он при этом только на Мию.

— Здравствуйте! — хором сказали Оля и Ира.

— Могу ли я угостить вас? — бархатистый голос звучал приятно: вежливо и без напора.

Мия скользнула по юноше взглядом. Симпатичный, даже красивый. Вероятно, это не такая и плохая идея. Разумеется, она могла бы и попробовать — зачем отказываться?

Но невольно приятная внешность подошедшего срезонировала с той странной встречей сегодня. В голове сразу возникла ухмылка неожиданного посетителя кофейни, пустой взгляд его спутниц... Мия сама не заметила, как сжалась в комок. Очнулась она от голоса Оли:

— Простите, у нас сегодня девичник.

Юноша вздохнул, потоптался на месте, еще раз взглянул на Мию и ушел. Только после этого она смогла выдохнуть.

— Ну ты чего? — удивилась Ира, — нормальный же.

— Просто устала. — Мия покачала головой.

— Ты просто не забываешь о своем лохматом, — возразила Оля.

— Не моем! — Мия ответила быстрее, чем смогла обдумать свои слова.

— Вот именно. Давно бы уже пригласила его, поняла, что он жуткий, и забыла бы о нем!

— Оля сказала это, вернувшись от бара со вторым бокалом.

Мия только вздохнула.

Мюзикл закончился. После они вместе доехали до кольца и тепло распрощались. Мия начала искать в сумке свою книгу и только в этот момент поняла, что не видит ключей от квартиры.

Она нахмурилась. Села на свободное место, начала выкладывать на колени все содержимое сумки, чертыхнулась. Ключей не было.

Она сжала переносицу, пытаясь придумать, как быть. Деда не будет несколько дней, запасных ключей ни у кого нет. Неужели придется ехать за город, туда, где дедушка сейчас отдыхает?..

Тут она вспомнила громкий звук, с которым в кофейне из сумки выпали вещи. Ключи точно были с ней до того, как она пришла в кафе, а после не было момента, когда она могла их потерять. То есть выронила она их там.

Мия посмотрела на часы на телефоне. Почти неприлично поздно, но она не могла вспомнить, до какого времени работает кафе. Попытаться стоило.

Она проехала еще несколько станций и перешла на оранжевую ветку. Пока поднималась на эскалаторе, начала прокручивать в голове слова Оли о том, что Даню стоило давно куда-то пригласить. Она ведь и сама об этом думала...

Мия решила: если будет открыто, если Даня будет на месте, то она соберет всю наглость и спросит. Если он откажет, она сможет выкинуть его из головы и попробует посмотреть еще на кого-нибудь.

Она пересекла сквер на Сухаревской и подошла к кафе. Через окна было видно, что внутри пусто, верхний свет был выключен, однако около кофемашины и кассы он горел. Таблички с расписанием работы не было.

Мия коснулась дверной ручки. Она показалась ей необычно горячей, еще немного, и неприятно будет прикасаться. Тем не менее ручка повернулась, и дверь открылась.

Она шагнула внутрь, сделала шаг к столику, где уронила сумку. Ее ключи были там, они упали к самому плинтусу и были незаметны под ножкой стола.

Мия наклонилась, подобрала их, сунула в сумку. Выпрямилась и замерла — ее внимание привлек странный звук. Она сначала не поняла, что это, а когда осознание пришло, внутри что-то остановилось и упало вниз от страха.

Удары. Это точно были звуки ударов, прямо как она слышала в кино.

Она качнула головой, стряхнула оцепенение и пошла на звук. Поколебавшись немного, сделала шаг в пространство за стойкой. Увидела узкую дверку, видимо в подсобку. Звуки шли оттуда.

Мия приоткрыла дверь и выглянула.

И правда, там оказалась довольно большая подсобка со стеллажами, забитыми едой и пачками кофе. Уже знакомые Мие три странные девушки стояли полукругом около одной из стоек. Неприятно-красивый шатен прижимал Даню к стойке одной рукой, а вторая прямо на глазах Мии ушла назад, в замах, чтобы потом вбиться прямо в солнечное сплетение Дани.

Тот согнулся пополам, упал на пол, а потом поднял глаза на своего соперника. На его лице появилась усмешка. Шатен со всей силы ударил его в живот ногой. Даня только тихо охнул, но не стал ни закрываться, ни давать сдачи.

Мия увидела, что его губа разбита, а по лицу вниз стекает струйка крови. Она поймала воздух ртом, замерла, не понимая, что ей делать.

И тут шатен и Даня поняли, что она тут, и одновременно посмотрели на нее. То же самое сделала одна из девиц, остальные две продолжали смотреть перед собой, словно ничего и не заметили.

На лице шатена появилась глумливая улыбка. Даня нахмурился, вскочил и в два прыжка уже оказался рядом.

— Что ты тут делаешь? — процедил он, а потом крепко схватил ее за запястье и потащил в зал.

— Я... ой... — Мие было больно. — Что происходит? Давай я вызову... — Она спотыкалась, а Даня продолжал тащить ее за собой. — Давай я вызову полицию!

Хватка на ее руке стала жестче. Даня подошел к двери.

— Но я... Давай я что-то... Как мне помочь... — Мия все продолжала выдавать невнятные то ли оправдания, то ли предложения о помощи.

— Уходи! — рявкнул Даня, резко дергая за ручку.

— Но я...

— Мия, я сказал — проваливай! — Даня толкнул ее наружу, словно провинившегося котенка.

Она вылетела на улицу, споткнулась о бордюр и упала на землю в небольшой зеленый островок около входа в кафе. Руку саднило. Мия обернулась и села.

Эмоции как будто еще не поняли, что произошло, и потому тихо ждали, когда же Мия разрешит себе что-то почувствовать.

Но ее пока что занимали только две мысли.

Первое: прохожие шли мимо, как будто ничего не замечая — никто даже не оглянулся на нее. Безусловно, человеческое равнодушие безгранично, но ведь шум и хлопанье дверями должно было хоть кого-то привлечь?

И второе: откуда Даня знает ее имя?

Глава 2.

Наверное, она должна быть довольна. Она ведь все-таки с ним заговорила и смогла убедиться, что умеренно симпатичный светловолосый бариста — ужасающий грубиян и неприятная личность.

Это Мия говорила себе, когда спускалась по эскалатору в метро. Она терла неприятно зудящее от слишком крепкого хвата запястье и пыталась запихнуть куда-то подальше чувство непонимания и стыда за то, что оказалась не в то время не в том месте.

Но все же сколько странностей! Пока она не встала с земли, на нее, сидящую в палисаднике, никто не обращал внимания. Стоило подняться, сделать шаг вперед, как тут же мимо-проходящая старушка кинула на нее нахмуренный взгляд, точнее, на ее испачканную в земле юбку.

Мия быстро отряхнулась, обернулась на кафе — окна в нем были темными, и пошла к метро, пытаясь привести мысли в порядок.

Она отправилась домой, раздираемая самыми нерадушными чувствами. Одно она знала точно — в кафе она никогда не вернется. Ни-ко-гда.

Спала Мия плохо: раздражение и на Даню, и на себя не давало уснуть и разрешало только короткое забытие. Она крутила в голове разные фразы и оправдания, потом — обвинения и советы Дане по тому, как можно было бы отреагировать вежливее на случайное вторжение.

В конце концов, она просто забыла ключи! Она ведь хотела помочь. Надо было запереть дверь. Надо было объяснить, что происходит. С другой стороны, с какой стати кто и что должен был ей объяснять?

Больше всего раздражало, что она беспокоилась за Даню. Что за сцену она застала? А если ему причинят какой-то серьезный вред? Однако он ведь не дал ей ничего сделать, хотя возможность была. Значит, не такая и большая опасность?

Мия проснулась разбитой, с трудом заставила себя съесть бутерброд и запить его грустным зеленым чаем, от которого стало горько во рту.

Эмоции за ночь не утихли. Непонимание в соседстве с обидой отдавалось гулом в голове и холодом около сердца. И она знала: чувства эти быстро не пройдут. Она была не из тех, кто легко забывал, кто мог отмахнуться, сказать про себя «вот же придурок» и спокойно жить дальше.

Да, приходиться теперь нельзя.

Но если он пострадал? А может, надо объясниться? Рассказать, почему она тогда пришла и почему пошла смотреть, что происходит.

Мия поехала на работу все в том же разбитом состоянии. Вышла у Сухаревской, посмотрела в сторону кофейни. Дверь открылась, показалась довольная парочка с кофе в руках. Значит, Даня работает, как обычно. Или же... или нашел все-таки кого-то на замену, а сам...

Он тут же появился в мыслях Мии избитым, страдающим на больничной койке. Она поежилась. Вот уж совершенно некстати она решила найти в нем персонажа из книг — такого, о котором надо беспокоиться, залечивать раны, чтобы потом сочетаться трепетным поцелуем над белыми простынями.

Но все же Мию раздражали собственные чувства. Ей не хотелось заходить, и потому...

...потому она быстро, пока не успела передумать, пересекла площадь и схватилась за ручку двери.

А ручка опять, как и вчера вечером, странно отдавала жаром. Мия шагнула внутрь. От стойки только что отошел посетитель, больше никого не было, и Мия сразу поняла, что работает именно Даня, а не кто-то еще.

Он увидел ее, замер, нахмурился. Мия подошла ближе, а потом широко распахнула глаза.

На его лице не было видно никаких ран, хотя вчера губа была разбита.

Не до конца понимая, что делает, Мия подошла совсем близко. Стоило ей встать у барной стойки, как странная горячая волна прошла по всему телу, ее на мгновение замутило, но тут же ощущение пропало.

— Ты же... — Мия поежилась от странной реакции тела, продолжая смотреть только на Даню.

Тот молча глядел на нее, прямо и с вызовом.

— Я же видела... — Мия качнула головой, как будто пытаясь стряхнуть наваждение. Совершенно точно на лице Дани не было ни следа вчерашнего дня. Но ей же не могло привидеться? Или могло?

— Будете что-то заказывать? — спросил он, и голос его теперь отдавал недоброй насмешкой.

Мия сжала губы. Уголки глаз вдруг стало щипать — подчеркнуто вежливый тон ее неожиданно задел.

Она развернулась и быстро пошла к выходу. В последнее мгновение не удержалась и обернулась на Даню: тот смотрел теперь как будто удивленно и настороженно.

Но ее это уже не касалось и не будет касаться больше никогда.

Мия выскочила на улицу, едва различая дорогу и людей перед собой. Пошла вдоль дома к Сретенке.

Какой-то инстинкт заставил ее вдруг сделать прыжок в сторону. В то же мгновение раздался звон стекла и жуткая ругань сверху.

Мия посмотрела вбок. На том месте, где она только что стояла, блестели на солнце осколки разбитой бутылки. Запахло алкоголем. Она подняла глаза: из окна второго этажа выглядывало красное нетрезвое лицо. Мгновение, и оно исчезло, окно закрылось.

Мия в оцепенении смотрела на темное пятно на асфальте.

— Кошмар какой! — охнул молодой мужчина, проходивший мимо, — совсем уже! А если бы вам на голову?..

А если бы на голову, то ее бы очень крепко зашибло. Не до смерти, конечно, но если неудачно...

Мия поежилась, прижала к себе сумку. Какое несчастливое утро! Она еще раз бросила взгляд на дверь кафе, а потом, потребовав от себя перестать об этом думать, вышла на Сретенку. Через пару минут она свернула на узкую улочку, где был салон. Два шага и пешеходный переход.

Мия и еще одна девушка, проверив дорогу, ступили на зебру. Совершенно точно горел зеленый для пешеходов и красный для машины.

И тут же раздался визг тормозов, чей-то крик. Мир закружился перед глазами, тело не понимало, что происходит. Мия почувствовала за спиной холод стены, а на плече — чью-то крепкую руку, которая ее в эту стену вжимала.

Даня! Черные глаза напряженно вглядывались в нее, как будто что-то ища. Даня тут же отвернулся, выпуская ее, и бросил взгляд назад. Там, на середине пешеходного перехода, стояла большая серая машина. Водитель как раз вылез из нее и бросился к Мие и еще одной девушке, которая стояла чуть поодаль и испуганно сверкала глазами.

— Господи, простите! — Водителем оказался невысокий лысоватый мужчина. — Я не знаю, что случилось! Загорелся красный, я нажал на тормоз, но она просто не останавливалась!

— Просто не надо гнать на такой скорости, — процедил Даня.

— Как хорошо, что вы оказались рядом! — благодарно взвыл водитель.

Даня промолчал, сумрачно посмотрел на вторую девушку, которая уже видимо пришла в себя и собиралась уходить, потом посмотрел на Мию.

— За мной. Быстро.

Это Даня бросил не терпящим возражения голосом.

— У меня работа! — Мия потерла плечо.

— Это важнее, — голос его звенел непонятной эмоцией.

Он развернулся и пошел обратно в сторону кафе. Мия, не вполне понимая, что делает, пошла за ним. Стоило им только войти, как взгляды всех посетителей сошлись на них.

— Прошу прощения, но мне придется попросить вас покинуть помещение, — негромко, все с той же непонятной клокочущей эмоцией сказал Даня. — Пожарная тревога, сейчас тут может быть мокро. Еще раз извиняюсь за неудобства.

Послышались перешептывания, затем скрип стульев. Через несколько минут в кафе не осталось никого, кроме Мии и Дани. Последний стремительно подошел к двери, запер ее на замок, а затем, пролетев мимо Мии так быстро, что взметнулся подол ее платья, бросился за стойку.

На стене висел старенький кнопочный телефон. Даня сорвал трубку, нажал кнопку быстрого набора. Мия, ничего пока не понимая, подошла ближе.

— Ты думаешь, это смешно?! — заорал вдруг Даня в трубку. — А ну быстро возвращайся!

Ответ внезапно для обычного телефона прозвучал так громко и отчетливо, словно в кафе работали громкоговорители.

— Не понимаю, о чем ты, — промурлыкал телефон голосом вчерашнего неприятного красавчика.

— ТЫ ЗНАЕШЬ О ЧЕМ Я! — рявкнул Даня в трубку, и Мия поняла, наконец, что за эмоция была в его голосе — едва сдерживаемая ярость.

Даня швырнул телефонной трубкой в стену, и если бы не проводок, на котором та держалась — она точно бы улетела куда-то далеко.

— Люциферовы крылья! — Он запустил руку в волосы и с силой сжал их, а потом посмотрел на Мию. — Нам придется поехать.

— Поехать? — Она сжала лямки сумки.

— Именно. Поехать.

— Куда поехать? Что случилось? — Мия сглотнула.

Даня нахмурился.

— Ты... тебя... в общем, надо ехать. Ты опасна для себя и для окружающих.

— Чего? — Мие очень захотелось присесть, но она упрямо стояла на ногах и, не отрываясь, смотрела на Даню.

Тот набрал побольше воздуха в легкие, открыл рот... но так ничего и не сказал. В его глазах появилась растерянность.

— Ну... это сложно объяснить. Непросто.

Мия молча смотрела на него, не зная, что спросить.

— Если вкратце, то случилось недоразумение. Довольно э-э-эм...

С него вдруг слетело все раздражение. В потугах найти нужные слова он стал выглядеть совсем юным и как будто безобидным.

— Недоразумение довольно определенного толка. То есть, как бы...

— Ну чего? — не выдержала Мия.

— Тебя как бы... — Даня снова дернул себя за волосы, — как бы... прокляли.

Мия сжала лямки так сильно, что побелели пальцы.

— То есть сейчас тебя будут преследовать смертельно опасные несчастья. Тебя и всех людей, которые окажутся рядом. Это будет продолжаться до тех пор, пока проклятье не снимут. А для этого нужен тот, кто его наложил. Мой вчерашний гость. Он, видишь ли, решил, что это прекрасная шутка.

— Что-то я не вижу, чтобы прямо сейчас меня преследовали несчастья, — тихо заметила Мия.

— Это потому что ты рядом со мной. Со мной — безопасно.

Повисла долгая пауза. В голове толкались и дрались мысли, но нормально воспринять то, что говорил Даня, не получалось. Вернее получалось, но только в одном ключе.

— Это что, какая-то странная попытка познакомиться? — дрожащим голосом спросила Мия. — Весь этот цирк?.. Так теперь подкатывают?

Даня скривился, в его глазах промелькнул язвительный огонь.

— А ты высокого мнения о себе, не так ли? — сказал он таким тоном, что Мие впервые в жизни захотелось чем-нибудь швырнуть в другого человека.

— Всего доброго, — вместо этого резко выдала она и развернулась.

— Выйдешь за порог — и ты больше не моя проблема! — крикнул Даня вдогонку.

Мия вместо ответа решительно распахнула дверь.

Всю дорогу до работы она старалась думать о словах Дани исключительно в скептическом ключе и сочинила уже целый рассказ для Оли и Иры о том, каким же идиотом оказался этот бариста. Тихий шепот в углу сознания, что во всем происходящем слишком много странного, она старалась не слушать.

Ее шаткую уверенность в том, что Даня просто поиздевался над ней, укрепило то, что до работы удалось добраться без проблем. Родионов уже был на месте, ждал первого клиента. Мия извинилась за небольшое опоздание, включила компьютер.

Все шло своим чередом. Несколько звонков, несколько отчетов. Клиент ушел, Родионов отдыхал.

И тут Мия почувствовала странный запах. Тревожащий обоняние, он становился все сильнее, а следом она услышала жуткий треск.

Одна из панелей, которыми был обшит потолок, рухнула вниз, охваченная огнем, следом за ней еще одна, прямо перед выходом.

Мия привстала со своего стула. Ей надо было действовать, но вместо этого она просто замерла в оцепенении. Горло стянуло обручем — ни закричать, ни выдавить ни звука. Телефон лежал рядом, надо было вызывать пожарных, но руки не двигались. В это время упала третья панель, полностью загородив Мие выход из комнаты. Помещение наполнялось дымом, стало очень жарко, хотелось кашлять, но и это не получалось.

Послышались крики — Мия узнала голос Родионова. При всем желании он не смог бы пройти к ней сейчас, да и пожарные вряд ли успеют — огнем уже занялась одна из перегородок.

И тут на пороге показалась белая тень. Мия из-за дыма не могла понять, кто это был. В помещении вдруг стало как будто не так жарко, а огонь разошелся в две стороны, образуя узкий проход.

Уже знакомые сильные пальцы сжали запястье.

— Пошли! — рявкнул Даня и потянул ее за собой, в это же время стаскивая со стола ее телефон и сумку.

Мия не сдвинулась с места.

Даня посмотрел пристально и цепко, снова потянул.

— Живо, — процедил он, — Мия, я сказал — пошли!

Звук собственного имени вывел ее из оцепенения. Опомнилась она уже на улице. Вокруг гудели пожарные сирены. Родионов бросился к ней, принялся трясти за плечи и заглядывать в глаза.

— Мия! Мия, как вы?

Про отчество он позабыл.

— Нормально, — выдавила она и закашлялась.

Она снова поймала на себе взгляд Дани, который встал неподалеку. Поймала — и вдруг кашель прошел, как будто из легких разом выкачали весь дым.

— Н-нормально, — повторила она. — Вы смогли вызвать пожарных...

— Не я, — Максим Леонидович покачал головой, — кто-то другой успел до меня. Быстро же приехали! Но что случилось?

Мия пожала плечами.

— Проводка, может быть... извините меня на минуту?

Она подошла к Дане, который смерил ее тяжелым взглядом.

— Что это было? — прошептала она дрожащими губами.

— Пожар, — резко ответил он.

— Почему... что происходит?

Дрожь в голосе становилась сильнее, и Мия поняла, что на смену оцепенению приходит колющий страх.

— Я уже сказал. Тебя прокляли.

— Это звучит... ненормально. — Мия обняла себя руками, чтобы хоть как-то унять дрожь, но ей это едва помогло — трясло уже все тело. Скоро должны же приехать и врачи?..

Даня раздраженно вздохнул, подошел ближе и прежде чем Мия успела возразить или отойти, положил руки ей на плечи.

Внутри вдруг стало очень тихо и спокойно. Она невольно посмотрела в черные яркие глаза, почти как в тот день, когда впервые увидела Даню, а тот не отвернулся, ответил на ее взгляд.

— Ненормально, — кивнул он, тут же убирая руки, — но так и есть.

— Что ты со мной сделал? — Мия с удивлением поняла, что больше не дрожит. — И как ты прошел внутрь? Огонь, дым, а ты просто прошел? И как ты вообще меня нашел?!

Даня скривился.

— Мы можем обсудить это все подальше отсюда? Вообще подальше от людей? Думаю, что после пожара ты будешь свободна от работы на несколько дней, не так ли? Как я и говорил, нам надо уехать, чтобы решить проблему с тобой.

— Проблему... со мной... — по словам проговорила Мия, — поедem... но куда?

Даня поморщился.

— Куда... В Санкт-Петербург, куда еще.

Глава 3.

Разум Мии по-прежнему буксовал перед происходящим. Сирена скорой резанула по слуху, и через пару минут к ней уже подскочил врач, который с удивлением признал, что она не пострадала.

Даня сделал шаг от нее, чтобы не мешать осмотру, но дальше шага не отходил. После врача на нее налетел Родионов.

— Я никак не мог к вам пробиться! А тут этот юноша... — Он окинул Даню полным любопытства взглядом. — Он так внезапно появился и смог вас вывести!

Мия могла только слушать и отвлеченно кивать: она по-прежнему не помнила того, как оказалась на улице.

— Как вас зовут, молодой человек? — Родионов все пытался добиться хоть какой-то реакции от неподвижного Дани. — И как нам вас благодарить? Вас надо представить к награде!

— Не надо, — слишком ровно и непроницаемо проговорил Даня, — просто забудьте об этом всем. Ваша сотрудница ведь будет не нужна, пока вы разбираетесь с пожаром и приводите помещение в порядок? Неделю где-то?.. Или больше?..

Родионов посмотрел на Даню долгим и немигающим взглядом, затем медленно кивнул.

— Да... Да-да, Мия Михайловна, действительно! Все так. Вы... — Он начал вращать глазами. — Вы отдыхайте. Мы тут... Я тут... Я со всем разберусь. Я позвоню вам. На вашей зарплате это никак не отразится. Да и мне стоит прийти в себя.

Мия пристально посмотрела на Родионова. На Даню тот теперь не смотрел, и взгляд его стал задумчивым.

— Нам надо идти, — в приказном тоне сказал Даня за ее спиной.

Мия еще раз обеспокоено взглянула на Родионова.

— С ним все будет в порядке, — цыкнул Даня теперь раздраженно. — А чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше будет для всех окружающих.

Только эти слова и смогли заставить Мию сдвинуться с места. Она пошла рядом с Даней обратно по улице к кафе. Сознание все еще воспринимало происходящее как-то неполно, не допуская ее до всей глубины эмоций, поэтому она просто передвигалась, как марионетка.

В кафе все также было пусто. Даня запер дверь, потом прошел за стойку, оперся о нее руками и тяжело посмотрел на Мию.

— Так ты... — она прервала молчание, — ты объяснишь? Или все же это просто какая-то странная... не знаю, шутка?

Даня скривился.

— Это шутка и есть. Только смешно не нам с тобой.

Мия перевела дыхание. Она поняла, что на нее постепенно наползает совершенно бездейственная истерика, и ее хотелось отсрочить, хоть как-то.

— Объясни, — тихо попросила она еще раз.

Лицо Дани внезапно из неприязненного стало потерянно-сconfуженным. Те немногие эмоции, которые еще работали внутри Мии исправно, тихо отметили, что это выглядит неожиданно забавно. Он дернул себя за волосы — видимо, привычный ему жест, — потом еще раз посмотрел на Мию.

— Я не совсем знаю, с чего начать. Как бы верно сказать?.. Дело в том, что я...

— Вампир? — из Мии вырвался нервный смешок.

— Вампиров не существует. — Даня снова выглядел раздраженным. — А я ангел.

— Замечательно. — Мия кивнула. — А почему не демон?

Она начала пятиться обратно к выходу из кофейни. Пожар-пожаром, но его хоть как-то можно объяснить. А вот в душевном здоровье Дани она начала крепко сомневаться. Остаться

тут было небезопасно. А еще он запер дверь — это она вспомнила с надвигающейся паникой. Но стоило попробовать сбежать...

— Потому что не демон, — процедил Даня. — В мире существуют не только люди. Есть другие... создания, — он говорил медленнее, чем обычно, подбирая слова. — Создания эти разные. Есть демоны, есть ангелы. Я — ангел.

— Который варит кофе? — Мие стало одновременно и смешно от абсурдности услышанного, и страшно от глубины безумия того, с кем она сейчас была заперта в одном помещении.

— Это просто такое прикрытие, — голос Дани терял остатки терпения, — я должен жить тут, чтобы охранять колдуна... Да чтоб мне в Чистилище провалиться!

Это он раздраженно рявкнул, глядя на видимо совсем уже красноречиво вытянувшееся лицо Мии.

А потом что-то переменялось.

Мия вспомнила старое кино: когда пленка в проекторе только-только встает на место, а изображение быстро мелькает перед тем, как пойдет фильм.

Вот Даня просто стоит, сердито глядя на нее, и растрепанные волосы лезут ему в глаза. А вот что-то меняется, свет в помещении становится как будто тусклее, а за спиной у Дани появляются два сложенных серых крыла.

Мия замерла, как дикое животное перед фарами. Моргнула раз, второй. Видение никуда не делось. За спиной Дани по-прежнему были два крыла. Места им не хватало, краями они задевали стены.

Этого просто не могло быть. Разум сопротивлялся нереальной картине и пытался придумать рациональное объяснение. Это костюм? Но его так быстро не надеть. У нее галлюцинации? Но из-за чего? Ей что-то подсыпали? А может она спит?..

Одно крыло неудачно дернулось и задело стоящие на кофемашине чашки. Несколько полетели вниз, зазвенел разбитый фарфор. Даня досадливо поморщился, так просто и буднично, как сделал бы любой из-за побитой посуды.

Мия попятилась еще и вжалась в дверь. Нет, это слишком реально. Невозможно, но реально. Она зажмурилась до боли в веках. Голова начала кружиться.

Нет, совсем нет, это не правда!

Она еще на секунду открыла глаза, быстро посмотрела на Даню... и зажмурилась снова, решив, что больше не будет смотреть. Никуда. И никогда.

Пришла в себя она лишь спустя несколько мгновений от того, что ее плечо кто-то осторожно, но крепко сжимал.

— Если мне придется каждые десять минут приводить тебя в чувство, то меня заметят, — в голосе Дани слышалось недовольство.

Мия почувствовала теплые волны, расходящиеся от его руки по всему телу. Она вспомнила, одновременно, как утихает иногда ветер над морем, успокаивая волны, и почему-то о том, как отец всегда дул на разбитые коленки и локти, когда Мия была маленькой.

Она открыла глаза. Даня нависал над ней, и Мия только сейчас поняла, что он выше ее больше чем на голову.

— Кто заметит? — выдавила она из себя.

Даня отпустил ее и отступил на шаг.

— Те, кто выше по званию. У всех есть начальники. Может, присядешь?

Даня отодвинул для нее стул, и Мия, едва сдерживая дрожь в коленях, кое-как примостилась на него. Сам же Даня, с минуту в молчании нависавший над ней, опять запустил руку в волосы, потом нахмурился и упал на противоположный от нее стул. Он опять выглядел озадаченным.

— То есть... — Мия решила прервать затянувшееся молчание.

— То и есть, — нервно бросил Даня.

— Ты можешь рассказать? Я послушаю. — Мия сцепила руки перед собой, чтобы не начать стучать пальцами по столешнице.

— А что рассказывать? Я, знаешь ли, тоже не каждый день это объясняю. И вообще я не должен объяснять! Это не так и просто! — Даня сел полубоком и сложил руки на груди.

— Просто объясни, что получится. — Мия поняла, что теперь ей хочется его успокоить. Даня опять нахмурился.

— Просто мы есть. То есть многое из того, что пишут люди в своих книгах — оно существует. Но не совсем так, как вы привыкли. Мир устроен немного сложнее. Есть ангелы...

— И демоны? — невольно вырвалось у Мии.

— Нет. Демонов нет. Теперь почти нет. Это тоже непросто. И сейчас неважно. Главное что есть ангелы. И некоторые из них... примерно как люди — работают на земле.

— И что они тут делают?

— Охраняют колдунов.

— Кого?.. — Мия вздохнула. Голова снова начала гудеть.

— Это еще сложнее. — Даня явно опять начал раздражаться, но Мия чувствовала: не на нее, а на саму ситуацию. — И это тоже неважно. Просто да, есть то, что скрыто от смертных. А у меня есть... как люди говорят, коллега. Он живет в Санкт-Петербурге.

— Тот, кого я видела? Вот он демон?

Даня поморщился.

— Нет, он тоже ангел. Его зовут Габриэль или как некоторые зовут — Гавриил.

— Гавриил? — протянула Мия. — Подожди, Гавриил, который сообщил Марии об...

— Допустим. — Даня резко кивнул. — Да, это он.

— А Иисус был? — В голове Мии вопросы начинали лезть один на другой.

— Был, — отрезал Даня. — Но это...

— ...неважно?

— Именно так. Важно то, что Габриэль решил над тобой подшутить. Почему над тобой — не представляю.

Мие показалось, что Даня слегка покраснел.

— Я не могу снять проклятье, которое он наложил, и он не будет возвращаться в Москву, чтобы снять его. Поэтому нам надо в Петербург. Иначе вокруг тебя так и будут происходить несчастные случаи.

— Он что, хотел меня убить? — тихо спросила Мия. — А почему он тебя бил?

— Не...

— Неважно? — Она приподняла брови.

Даня скривился.

— Именно так. И он не то, чтобы хотел причинить серьезный вред. Он просто... иногда делает странные вещи.

— Если бы не ты, я бы погибла, — ее голос опять опустился до шепота.

Даня ничего не ответил, только еще сильнее стиснул руки на груди.

— Нам просто надо поехать в Питер. Мы его найдем, поговорим, он не отвертится. И сразу обратно. И ты забудешь обо всем и будешь жить спокойно.

— Ты сотрешь мне память? Такое ты умеешь? — Мия нервно усмехнулась.

— Да, такое я умею. И да, конечно я сотру тебе память. Поверь, после всего, что ты увидишь, ты сама меня об этом попросишь.

Холодок пробежал по спине Мии. Даня, видимо, уловил ее изменившееся настроение.

— Нет, там не будет ничего такого. То есть наверное будет. Не знаю. Ты боишься кладбищ?

— Я не посещаю их без необходимости, — Мия удивилась вопросу, — а что, этот Гавриил живет на кладбище? А те странные девушки?! Они тоже ангелы?

Лицо Дани дернулось.

— Ни в коей мере. И да, он живет на кладбище. И то, что ты там увидишь, не опасно, но может быть... своеобразно для смертного. Но другого выхода у нас нет.

Какой все же странный выходил у них разговор. У Мии был примерно миллион вопросов, но отвечать на них собеседник не торопился. И она совершенно не понимала, действительно ли поверила ему. Все, что она слышала, все равно не укладывалось пока в сознании.

То, что вокруг нее творилось нечто странное — факт. То, что она видела совершенно необъяснимые свойства тела того, кого она долгое время знала как обычного бариста — факт. А вот то, что она должна с ним куда-то ехать — уже то, что она должна принять на веру.

Она могла встать и уйти сейчас. Почему-то казалось, что Даня не будет чинить ей препятствий. Наверное, если с ней опять случится что-то плохое — это будет доказательством? А если в этом плохом кто-то пострадает?..

А если все же это обман? Все же с ней что-то случилось, и это галлюцинации? Она отравилась угарным газом?..

И сразу она вспомнила все: как Даня зашел в ее кабинет, как буквально разошлось от него в разные стороны пламя. Она видела это своими глазами, и это абсолютно точно было сверхъестественным.

— Нам придется дожидаться вечера, — снова заговорил Даня, и Мия вздрогнула от того, как внезапно он прервал ее размышления. — Хотя я своим присутствием нивелирую действие проклятья, моих сил не хватит на то, чтобы держать тебя в безопасности при большом количестве людей. Нам нужен пустой город.

— А как мы поедем? — Этим вопросом Мия как будто сдавалась происходящим вокруг нее событиям.

— Удерживать самолет от крушения, а поезд от схода с рельсов я точно не смогу, — в кривой ухмылке Дани не было никакого веселья, — поэтому очевидно, что на машине.

В бедовой голове Мии возник сам по себе вопрос, пользуется ли Даня своими крыльями по назначению. Она его, конечно же, не задала, но внутри все вздрогнуло просто от того, что она захотела такое спросить. Пользуется ли кто-то своими *крыльями*?

— А как зовут тебя? — спросила она вместо этого.

— Ангел силы Даниэль. — Он немного издевательски склонил голову, тряхнув волосами.

— Ангелы силы? — не поняла Мия.

— Да. — Даня поджал губы. — Это такая должность. Точнее я... если совсем верно, то меня надо называть «Падший ангел силы Даниэль».

Последние слова он из себя выдавил и тут же опустил глаза.

Падший — почему? Он не опасен? Поэтому крылья серые? Почему ангел вообще может пасть? А тот Габриэль — тоже падший? Но она лишь спросила:

— А как я могу тебя звать? Я думала, что ты... Даня.

Он резко вскинул голову и посмотрел на нее с удивлением, как будто он ожидал какой-то другой вопрос.

— Ты... Да как удобно. Кто-то зовет меня Даниилом. Но Даня тоже можно.

— Хорошо. — Мия осторожно улыбнулась.

Интересно все же, откуда он знал ее имя, но наверное с его способностями это было несложно?

Даня же после ее вопроса как будто расслабился.

— Тебе и правда не стоит выходить сегодня на улицу. Дождемся примерно трех часов ночи и поедем.

Мия кивнула.

— Мне ждать... просто тут? — Она обвела кафе взглядом.

Даня замаялся, потом встал и кивнул по направлению к стойке.

— Ты можешь подождать у меня. Там есть, где прилечь.

Он пошел вперед, а Мия, окончательно решив просто следовать потоку событий, пошла за ним. Они шагнули за стойку, Даня открыл дверь в подсобку — ту самую, где его избивал Гавриил. Спрашивать, что же тогда все-таки случилось, Мия не стала.

Из подсобки вела еще одна дверь, на узкую лестницу с облупившимися грязно-желтыми стенами. Один пролет, и Даня открыл перед ней дверь, обитую коричневым дерматином.

— Это вот... ну, я тут живу.

Они оказались в крошечной квартирке. Коридора не было, дверь открывалась сразу в комнату с вытянутым диваном, накрытым коричневым покрывалом. Стены были выкрашены в зеленый, какой бывает в присутственных местах. То тут, то там были прибиты простые деревянные полочки, по которым в хаотичном порядке были расставлены книжки, судя по ярким обложкам — из тех, что продавали в ларьках на вокзалах.

Из комнаты вели две дверки.

— Вон там ванная, — показал Даня на одну, — а там кухня. Правда там ничего нет, кроме стола с чайником и раковины.

— Ты не готовишь? — само по себе вырвалось у Мии.

— Я не ем. — Даня скосил на нее взгляд.

— Совсем? — Мия повернулась к нему.

— Иногда. Когда скучно. Или когда потратит много сил. — Даня пожал плечами. — Но обычно мне это не нужно. Как и сон. Просто так проще... проводить время. — Он кивнул на диван. — Ты можешь расположиться здесь. Лучше поспать. А я пока займусь бумагами.

— Какими? — Почему-то Мия представила, как Даня разворачивает средневековые манускрипты.

— Я вообще-то управляю кофейней. Бухгалтерские. — Даня смотрел на Мию так, словно она спросила об очевидной вещи.

Она опять почувствовала головокружение — слишком будничной была эта комнатка, слишком простыми вещами собирался заниматься этот... ангел?

И все еще так странно слышать такие мысли в голове. До такой степени, что Мие захотелось попросить Даню еще раз показать крылья. А если мираж?.. А если...

— А это у тебя откуда? — Даня смотрел сейчас вниз, на ее руки, которые Мия, сама не помня себя, начала мять.

— Это? — Она подняла руки вверх, под свет тусклой люстры, из которой свисала одинокая пыльная лампочка.

Даня смотрел на ее запястье — на том месте, где он вчера схватил ее, чтобы выкинуть из кофейни, уже темнели синяки.

— А это... случайно. — Она дергано улыбнулась, почему-то решив соврать.

— Ясно, — выдавил Даня, а потом отвернулся и подошел к дивану. — Располагайся, я же сказал. Если надо, я... могу сделать что-то, что поможет тебе поспать. Травяной чай? Да, у меня есть травяной чай...

Он пустился в рассуждения с самим собой. Мия посмотрела ему в спину, а потом снова на свое запястье и остолбенела. Синяков не было.

— Да, наверно, чай бы помог, — торопливо проговорила она, зачем-то потеряв кожу. Боли больше не было, хотя она отлично помнила, как неприятно было нажимать на синяки.

— Хорошо. — Даня резко развернулся и почти выбежал из комнаты, но потом остановился на пороге и обернулся через плечо. — Я не рассчитал. Я просто не хотел, чтобы ты там оставалась.

Мия не успела ничего ответить — Даня ушел, громко закрыв за собой дверь.

Она медленно села на диван и осмотрелась еще раз, хотя осматривать особо было нечего. Комната напоминала скорее конурку охранника, не слишком опрятного, но все же пытающе-

гося иногда убираться. Она вспомнила квартиру деда — прежде чем Мия переехала к нему, он год после смерти бабушки прожил один. Атмосфера была похожей.

Даня вернулся через десять минут с кружкой в руках. Выглядел он уже привычно для Мии — насупленным и замкнутым. Он передал кружку. Та оказалась комфортной для рук температуры. На поверхности деликатно плавал цветочек ромашки.

— Если ты не против... я добавил туда успокоительного, — сказал Даня.

— Ну, если ты все-таки меня обманываешь, заманил меня и теперь что-то подсыпал, то я так и так уже вряд ли куда отсюда денусь. — Мия попыталась увести все в шутку.

Она чувствовала, что у нее больше просто нет сил сомневаться и подозревать. Тут точно происходило что-то очень странное.

А еще... если посмотреть назад, кроме момента с тем, как грубо он выволок ее из кафе, Даня не причинил ей никакого вреда, наоборот. Спас ее несколько раз. Убрал синяки...

Не то, чтобы Мия уже ему доверяла. Скорее, она не чувствовала от Дани никакой опасности. Это было опрометчиво, да...

Она сделала глоток и сразу же второй. Было вкусно, но чувствовалось, что в напиток добавили что-то лекарственное.

— Ладно, — Даня кивнул, — я пойду работать. Отдыхай.

Когда дверь за ним закрылась, Мия откинулась на спинку дивана.

Как глупо и рискованно было оставаться тут! Если бы кто-нибудь описал ей ситуацию, в которой она оказалась, Мия бы точно сказала: беги!

Она сделала еще глоток. Время замедлилось, а голова тяжелела с каждой секундой.

Неужели это все реально?

Мия потихоньку сползла вниз и легла, подложив под голову небольшую декоративную подушку.

А может, все же, она сейчас проснется дома? В голове начали крутиться отвлеченные мысли.

Даня точно смутился, когда говорил о падших ангелах. И неужели все ангелы так и выглядят — совсем не так, как в книгах и на картинах? И разве могут быть у ангелов такие черные глаза?

Она, лежа, сделала еще глоток чая, а потом, за неимением рядом хоть какой-нибудь тумбочки или стола, поставила кружку на пол.

А потом Мия закрыла глаза. Ей и правда следовало поспать.

Глава 4.

Мия проснулась сама: просто открыла глаза и тут же прищурилась от неровного света лампочки, которую так никто и не погасил.

Спросонья было зябко. Мия быстро осмотрелась и пошарила вокруг себя рукой, но кроме тонкого пледа, на котором она лежала, рядом не оказалось ничего, чем можно было бы накрыться.

Она медленно села, натянула плед на плечи. Стало немного теплее.

Из кармана платья она вытащила телефон: полтретьего ночи. На экране висели несколько пропущенных сообщений от бабушки и один звонок. Мия вздохнула: стоило ему хоть что-то написать перед тем, как спать.

Она быстро начала набирать смс, объясняя, что решила отправиться в поездку с друзьями, поэтому легла спать раньше и забыла его предупредить. Сообщение она сразу же и отправила: бабушка в силу возраста часто страдал бессонницей, и, судя по тому, что последний раз он был в сети десять минут назад, сегодня как раз такая ночь.

«Хорошо, Миюшка. И не пугай меня так», — тут же ответил он, и Мия улыбнулась, оценив его деликатность. Звонить он не стал, как и расспрашивать о том, что это за друзья, с которыми она решила куда-то отправиться. В отличие от отношений с родителями, их общение с дедом строилось на доверии и на оценке друг друга как разумных, несмотря на пожилую и на юный возраст, людей.

Мия отложила телефон. По крайней мере одну проблему она решила. Но оставалось все остальное...

И снова чувство нереальности накатило на нее. Она огляделась. Да, все та же комнатка: полки, лампочка, ни одного окна.

Она встала и подошла к той двери, которую Даня обозначил как дверь в ванную. Внутри ничего особенного: грязновато-белая плитка, такая же, как в поликлиниках и общежитиях. Серая от времени ванная с голубой шторкой, раковина, туалет. Мия умылась и, глядя в мутноватое зеркало, попробовала привести себя в относительный порядок.

Потом она отправилась исследовать кухню. Там и правда не было плиты. Столик с чайником, рядом большая упаковка черного чая в пакетиках и сахарница, в которой лежала золотистая от намокшего сахара ложечка. Следом раковина и полочка над ней с одной простой белой кружкой. В отличие от комнаты, где она спала, на кухне было окно: узкое, полузавешенное серым от пыли тюлем.

Мие не должно было быть никакого дела до того, как живет Даня, но от такой скудной обстановки внутри кольнуло чувством забытости и пустоты.

Она услышала скрип двери и выглянула в комнату с диваном. Даня стоял на пороге и пристально, с каким-то почти нервным блеском в глазах смотрел на нее.

— И давно ты тут живешь? — Мия сама удивилась, что первой решилась на вопрос.

Даня, как и тогда, когда они обсуждали его имя, от ее вопроса расслабился. Возможно, он ожидал чего-то другого. Может быть, очередной ее истерики. Но пока что Мия была спокойна: то ли сон, то ли чай с неизвестным содержимым сделали свое дело.

— Столько, сколько этот дом тут стоит, — ответил Даня медленно, как если бы раздумывал над каждым словом. — Его построили после пожара, чуть больше двухсот лет назад.

— После... пожара? Наполеоновского? *

Даня кивнул.

— Да. До этого тут был небольшой деревянный дом, а до этого еще один.

— А сколько ты вообще... то есть... — Мия не знала, как верно сформулировать. «Живешь тут?», «Живешь на Земле»? В голове все еще что-то трещало от того, что она решила верить в его сверхъестественную сущность.

Даня замялся перед ответом.

— Я тут... больше трехсот лет.

Пауза в разговоре опять продлилась невыносимо долго, Мие даже захотелось поковырять краску на дверном проеме, настолько неловко было просто стоять и не знать, что спросить дальше.

— Нам пора ехать, — сказал Даня в конце-концов, и Мия испытала такое облегчение, что он заговорил первым, что энергично кивнула, позабыв на пару мгновений обо всех своих прежних опасениях.

Ощущение нереальности, конечно, никуда не делось: ни тогда, когда она вышла за Даней из комнаты и прошла вниз, ни тогда, когда вышла в полутемную кофейню, которую освещала сейчас только лампа у кофемашины.

— У тебя нет случайно воды? — осторожно попросила она, подумав при этом, что, наверное, можно было бы и поест, но спрашивать неудобно.

— Да, конечно. — Даня дерганно кивнул, подошел к кофемашине и вытащил из-под столика, на котором та стояла, несколько бутылок. — Так достаточно? Возьми в дорогу.

— Спасибо. — Мия кивнула, прижимая к себе бутылки. Две она положила в сумку, одну сразу открыла и сделала несколько глотков, стараясь, чтобы они не вышли жадными.

Нужно было пересилить себя и сказать про еду, тем более что еда у Дани была прямо тут же, в витрине: чуть-чуть уставшая выпечка, но хоть что-то. Но он не предложил, а она не смогла попросить.

Никаких вещей у Дани с собой не было, поверх футболки он просто надел широкую светлую джинсовку. Он хлопнул по нагрудному карману и достал оттуда небольшой прямоугольный документ в светлой обложке.

— А это?.. — в отличие от вопроса о еде, сейчас Мия решилась заговорить.

— Права и паспорт, — ответил Даня, непонимающе нахмурившись, а потом, кивнув самому себе, прошел мимо к выходу из кофейни.

— У тебя есть права? — Мия тоже подошла к двери. — Есть паспорт?

Даня замер с ключами в руках.

— Конечно. А как ты еще предлагаешь мне вести дела? Без документов? Я не могу все время отводить глаза, никаких сил не хватит.

Резкость в его ответе задела Мию.

— Мне откуда знать? — тут же ответила она, подумав, что на его грубость не умеет оставаться сдержанной.

— Я стараюсь делать все документы так, как принято в определенное время и эпоху. — Даня открыл дверь. Он не обратил кажется никакого внимания на то, что она немного вспылила. — Единственное, с чем сложно, это паспорт. Его приходится менять довольно часто, и вот тут я использую свои силы. Все остальное я делаю сам.

— И права сам получил?

Даня опять нахмурил брови. Они вышли на улицу.

— Сам.

— Какая честность! — Мия сложила руки на груди, пока Даня закрывал за ними дверь.

— Я вожу автомобиль уже больше ста лет, поэтому это несложно...

Мия вспомнила, как сдавала на права четыре раза, прежде чем стыдливо занести конвертик в автошколу.

— ... и я уже сказал: если я буду слишком много пользоваться силами, меня за это не похвалят.

— Кто не похвалит?.. — Мия наблюдала, как Даня достает из кармана самый обычный мобильный телефон и начинает что-то в нем искать.

— Те, кто выше. Мудрейшие. Архангелы. Они почувствуют, если я злоупотребляю. А я не хочу, чтобы у них были ко мне вопросы. Нам туда.

Он указал рукой на противоположную сторону дороги и повел ее к одной из многочисленных узких улочек, уходящих от Сретенки.

— Каршеринг? Seriously? — Мия встала посреди безлюдной улицы, наблюдая, как Даня совершенно обычным образом осматривает машину, фотографирует ее и, видимо, оплачивает аренду через приложение.

— А что? Своей машины у меня нет. Ты представляешь, как сложно в центре с парковкой?

Чувство нереальности, а точнее слишком обыденной реальности опять резануло по всем чувствам Мии. Как могло случиться все то, что она видела вчера? Ведь это самый обычный парень, и она зачем-то согласилась ехать с ним непонятно куда.

Самый обычный парень с крыльями, который шагает через пламя, умеет успокаивать прикосновениями, и у которого нет плиты. Почему-то именно скудость кухонной обстановки сейчас играла для Мии решающую роль, хоть по логике рассудить — Даня вполне мог брать еду с собой или есть в кофейне, где у него стояла микроволновка. Но логика тут не работала. Плита — это ведь так по-простому и по-человечески. Если ты, конечно, человек.

— Ты идешь? — Даня открыл водительскую дверь и сел внутрь.

Мия шаркнула носком плоской туфли по асфальту.

Идет ли она?

Она огляделась. Пустая улица, откуда-то очень издалека разносятся басы ночного клуба, но шум приглушают дома девятнадцативечной Москвы. В обклеенной яркими наклейками машине ее ждет почти незнакомец, которому у нее не было никаких оснований доверять.

Кроме того, что она ему, видимо, уже доверяла.

Водительская дверь открылась и Даня выглянул, хмурясь и сдвигая брови. Волосы его, потревоженные проемом, торчали в стороны еще сильнее, чем обычно.

Мия поняла, что несмотря на все произошедшее, она все еще видит в нем того, кто ей понравился. Понравился чем?..

Неужели вот этим? Неужели она смогла испытать симпатию только к тому... Кем бы он ни был... К тому, с кем она не смогла бы быть ни при каких обстоятельствах? Как говорила ей психолог? Избегающий тип привязанности?

Ей захотелось истерично хихикнуть над собственными мыслями. Нашла о чем думать! Можно вспомнить сразу Карпмана, Юнга и Вундта вместе взятых и те полгода, что она всерьез думала идти на психологический, пока не поняла, что «стать врачом» — не обязательный пункт назначения для того, кто заболел.

А потом она опять посмотрела на Даню. На его волосы, которые ей всегда казались милыми, на его хмурость. Его черные глаза блестели нетерпением. Он был слишком гневливым, прямолинейным. Слишком быстрыми и искренними были перепады его настроения для того, кто мог хладнокровно заманивать невинную девушку в ловушку. Да и в какую ловушку?..

Если начать думать дальше, то конечно, что-то да придумается: страшные планы, продажи в рабство — действительно существующие и жуткие вещи.

Но сейчас перед ней как будто просто стоял симпатичный ей парень, от которого она по-прежнему не чувствовала никакой угрозы. И по той же своей странной, корявой логике, по которой Мия делала большинство вещей в своей жизни, она шаркнула по асфальту еще раз, тряхнула головой, отбрасывая тяжелые черные волосы назад, и подошла к машине.

*Подразумевается гибель Москвы в пожаре 1812 года

Глава 5.

Мия не могла вспомнить, ездила ли она когда-либо по Москве в такое время. Она была жаворонком, ночные гуляния ее утомляли, и после театра или долгих разговоров в кафе с подругами она всегда спешила домой.

Москва ночью будто размывалась, растворялась во времени. Давно ушедшие эпохи проступали в силуэтах широких улиц, когда-то застроенных деревянными домишками.

— Неужели мы правда едем в Питер... — прошептала она, когда машина поехала по пустому Садовому вниз, к Маяковской и пересечению с Тверской.

— Очевидно, что да, — Даня напряженно сжимал руль.

— Что-то не так?

Тот криво усмехнулся.

— Примерно все не так, начиная от того, что я не планировал уезжать далеко от башни...

— От башни?..

— Да, от башни. Тут когда-то была Сухарева башня.

— Да, я знаю. — Мия обернулась назад, туда, где была Сухаревская, и перед ее мысленным взглядом появилась картинка яркой, экстравагантной сторожевой башни, которую она видела, к сожалению, только на картинках.

— Так вот, она до сих пор есть, но не совсем тут. В немного другом пространстве, которое не видно смертным. Там живет колдун Брюс, а я за ним слежу.

Мия решила отложить в сторону «другое пространство» и «колдун Брюс», чтобы снова не начать нервничать, и спросила о более будничном.

— И ты поэтому живешь именно тут? И не можешь никуда отлучаться?

Даня задумчиво кивнул: он по-прежнему внимательно следил за дорогой, хотя немногочисленные машины двигались на приличном от них расстоянии.

— Я могу отлучаться. Просто не делаю это.

— Почему? — вырвалось у Мии.

— А зачем? — Даня пожал плечами. — Все везде одно и то же.

Мия так не считала, но кто она была, чтобы возражать?

— А ты правда... то есть... ты правда...

Даня на секунду бросил на нее недоумевающий взгляд: он явно не понимал ее оговорки.

— В смысле, ты тут давно, да? Вообще... существуешь, — Мия смогла наконец сформулировать свой вопрос и достаточно определенно, и достаточно расплывчато.

— Я был всегда. — Даня едва заметно пожал плечами. Поток машин на Тверской-Ямской был плотнее, и напряжение в его позе читалось еще более явственно. — Все ангелы появились вместе с этим миром. Потом появились люди, а вместе с людьми первая тьма и грех.

Очень странно было слышать такие слова от ведущего каршеринг существа, которое выглядело обычным мрачным юношей.

— И когда род людей стал исчисляться тысячей, появились первые колдуны. Люди, которые знали больше, стремились дальше. Осознавали, что в мире есть что-то помимо обычной жизни, и пытались достигнуть того единения с Создателем, которое было во времена Адама и Евы.

— А откуда у этих... колдунов, — Мия заставила себя произнести это слово, — были способности?

— Это мне не известно. Главное, что они были — значит, так было предначертано.

— А демоны? Люцифер?.. Ты ведь упоминал Люцифера. — Мия вспомнила витиеватое ругательство, которое употребил Даня после того, как швырнул трубку об стену после разговора с Габриэлем.

Зачем ему, кстати, обычный телефон, если он пользуется мобильным? Дурацкая идея, но Мия подумала о том, что, возможно, такой телефон проще кидать о стену? Хладнокровием Даня точно не отличался.

— Демоны тоже появились, — кивнул Даня, как будто на мгновение задумавшись, — примерно как описывается в книгах людей. Восставший против создателя ангел Люцифер увел с собой сотни ангелов вниз, в Ад.

— То есть Ад есть? Я опять перебила, прости.

— Ад, Рай и Чистилище, да.

— Все, как описывал Данте? — Мия вспомнила одну из своих любимых книг.

Даня хмыкнул.

— Данте — тот еще сочинитель, притом, что он прекрасно знал, как все на самом деле выглядит. Он помогал достраивать Чистилище.

— Помогал что?..

В этот момент Даня вдруг отрывисто ругнулся и крутанул руль вбок. Ремни впились в грудь, но зато спасли от удара о стекло. Справа и слева загудели машины. В боковом зеркале показалась шатающаяся и плетущаяся прямо через восемь полос дороги фигура плохо одетого и определенно нетрезвого человека. Даня едва ушел от столкновения с ним и уже совершеннейшим чудом не врезался в автомобили на соседних полосах.

— Какой демон потянул тебя в кафе! — в сердцах ругнулся он, а потом сделал еще один резкий поворот на соседнюю, совершенно безлюдную улицу. — Лучше так. Я отвлекаюсь, не могу постоянно держать фокус и происходит дурное.

— Прости. — Мия снова села прямо, поправила ремень, а потом кинула на Даню короткий взгляд. — Я просто потеряла у тебя ключи. Я не думала... Не хотела. Чтобы все так получилось.

Даня хмуро посмотрел вперед, но затем вздохнул и тряхнул головой.

— Я знаю, — его голос смягчился.

— Это была случайность...

— ...которой Габриэль воспользовался. — Даня стиснул руль так, что скрипнул кожаным, которым тот был покрыт.

Следующие десять минут они ехали в тишине. Окольными улочками добрались до площади Белорусского вокзала, где им все же пришлось вернуться на широкую дорогу. После этого они опять ушли в переулки полуспальных районов, где машин в ночи почти не было.

— А что все же с Чистилищем? — спросила Мия, когда поняла, что Даня немного расслабился и не так настороженно смотрит на дорогу.

— Чистилищем? — Он резко дернул головой.

— Да. Данте. Ты говорил про Данте.

— Верно... Как бы это объяснить?.. — Даня отнял одну руку от руля. — Просто все вокруг нас... Оно как бы делится... Точнее...

Кажется, он не врал, когда говорил что не каждый день объясняет такое.

— Есть три уровня. Есть Небеса. — Даня высоко поднял руку. — Есть уровень, где находимся мы: мир людей и тут же невидимый вам мир Чистилища и колдунов. — Он опустил руку сначала пониже, а потом совсем низко. — И под этим уровнем Преисподняя.

Мия наблюдала за перемещением его руки, стесняясь сказать, что все равно ничего не поняла. Даня посмотрел на нее, на мгновение встретился с ее взглядом и видимо все сам прочитал в ее глазах.

— Когда появились люди, появился и грех. Душа человека после смерти попадала либо в Рай, либо в Ад. Либо, если прегрешения были прощаемыми, в Чистилище, где душе позволялось пройти испытания и очиститься для того, чтобы попасть на Небеса. Но как я говорил,

Чистилище находится тут, рядом с миром людей, связано с людьми. Это, вероятно, из-за того, что души в Чистилище не ушли до конца, они все еще в промежуточном состоянии.

Судя по дорожным указателям, они приближались к МКАДу.

— Так вот, сначала все было спокойно. Все работало, души освобождались от грехов, попадали на Небеса. Но чем больше становилось людей, чем больше грехов проходило через Чистилище...

Даня опять замолчал, обдумывая слова.

— Сложно объяснить, что произошло. Мы не знали, что Создатель задумывал это именно так... но Чистилище как будто... как будто те грехи, которые люди преодолевали, так и оставались в Чистилище. Не в тех душах, которые пребывали там, тут все работало так, как всегда... но словно все вокруг Чистилища оказалось наполнено тьмой, грехом. И эта тьма начала проникать и в мир живых.

— А Чистилище... это место? — Мия неопределенно очертила перед собой руками,

— Оно везде и нигде, как Рай и Ад. Попасть туда можно, если нужно, но только если ты очень запутался.

Мия решила не уточнять, что значит «только если ты очень запутался», потому что сама боялась запутаться окончательно.

— «Я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины?»* — вспомнила она.

— Да, только Чистилище не совсем в лесу, тут Данте соединил его с Адом. Но да, он, как я и сказал, отлично знал, как все устроено. Он много что придумал в своей книге, но какие-то вещи описал правильно.

— И что случилось, когда Чистилище... Как ты это сказал? Наполнилось тьмой, которая стала проникать в наш мир?

— Мир смертных начал погружаться во тьму. Незаметно для людей, но чувствительно для нас. Колдуны, притворяясь благочестивыми проповедниками, использовали свою силу, чтобы поработать людей. На Небесах заговорили о том, что душам больше нельзя в Чистилище. Что скоро мир смертных наполнится злом, от которого погибнут все. Наши мудрейшие архангелы думали о том, чтобы попробовать запечатать Чистилище и за любой грех отправлять в Ад. Но потом кое-то изменилось. Появился тот, кого принято называть...

— Иисусом? — догадалась Мия.

Даня кивнул. Они пересекли кольцевую дорогу. Мия всмотрелась в указатели.

— Мы что, поедem по платке? — удивилась она.

— Ночью там довольно пусто. — Даня в это время настраивал навигатор.

Мия про себя вздохнула, прикинув в уме, сколько часов дороги им предстоит. Голод заявлял о себе все настойчивее.

— А что с Иисусом? — вернулась она к их разговору, чтобы отвлечься.

— Он просто появился. — Даня пожал плечами. — Никто не знает, кто он на самом деле. В один день к мудрейшим пришло озарение: появится тот, кто поможет спасти души людей и защитит смертных от Чистилища. Это просто возникло в их сознании, в один момент. Историю ты знаешь: смертная женщина родила сына... Габриэль как раз сообщил ей ту новость. Очень гордился собой, разумеется.

— Он тоже из... мудрейших? — спросила Мия. В ее сознании неприятный красавец плохо сочетался с этим словом.

— Был. Раньше, — отрывисто кинул Даня. — Так вот, Иисус вырос в самого могущественного колдуна, которого когда-либо знали смертные. Он проповедовал добро и свет — все, как пишут книги. И до сих пор никто не знает, как именно, но он, добровольно приняв смерть, не погиб окончательно. Он остался в междумирье, между Адом и Раем, и запечатал своей силой Чистилище.

— Запечатал?..

— Возникло что-то вроде стены. Она закрыла всю тьму, что уже была в Чистилище, и у людей сохранилась надежда на прощение и очищение от грехов. И Иисус сделал еще кое-что очень важное: лишил силы всех строптивых колдунов в один день. А с теми, кто был готов к смирению, он заключил сделку. Он дарил им бессмертие и возможность заниматься исследованием мироздания в обмен на то, что колдуны продолжают сдерживать тьму человеческих грехов внутри Чистилища. Так среди смертных остались только преданные колдуны. Но доверия им все равно было мало, и потому стали назначать ангелов, которые помогали и помогают колдунам поддерживать их существование и, одновременно, следят, чтобы колдуны исправно следили за тьмой Чистилища.

По обеим сторонам дороги темнели высокие деревья. Скучное освещение делало мир вокруг сизым. Мию охватило странное ощущение безвременья, почти такое же, которым она прониклась в центре: какой сейчас год? Какой сейчас век? Реально ли все происходящее?

— То есть... есть ангелы, которых специально отправляют следить за колдунами?

— Да. — Тон голоса Дани показался Мие старательно бесстрастным. — Это своего рода... наказание. Отработка. Повинность. Мы проводим некоторое время среди смертных, потом возвращаемся обратно, домой, на Небеса.

Слишком много синонимов для такого спокойного тона, но Мия решила не углубляться в расспросы по поводу той провинности, из-за которой Даня оказался здесь.

— И много колдунов сейчас? — спросила она вместо этого.

— Около сотни. Их количество увеличивается. Чем больше людей, тем больше тьмы, и тем больше нужно сил для того, чтобы ее сдерживать.

— А что сделал Данте?..

— О, Данте... — На лице Дани появилась короткая, но очень искренняя улыбка. Мия поймала себя на том, что ей было приятно ее увидеть: первое проявление хоть сколько-нибудь положительных эмоций от ее спутника. — Данте был великим изобретателем. До него колдуны должны были раз в месяц отправляться к Чистилищу, чтобы укреплять своей силой стены. Он разработал особенный механизм: смог забрать от каждого колдуна нужное количество его силы и запечатал в особенные артефакты, связанные и силой колдуна, и, одновременно, со стеной. Колдун носит его с собой и тем самым, в этот же самый момент, поддерживает стену своей силой, но присутствие его лично не нужно, даже наоборот — если он приблизится, то тот участок стены, который он поддерживает, распечатается — артефакт соединится со своей силой, и тогда... Ну, тогда не произойдет ничего хорошего, поэтому колдуны держатся теперь от Чистилища подальше.

— Звучит довольно сложно. Но... Сколько же правды в «Божественной комедии»?

Даня опять улыбнулся, на этот раз еще шире. Мия постаралась не пропустить ни мгновения этой улыбки, а потом сама же смутилась этому.

— Мы много смеялись над этим. Меня тогда назначили на съезд колдунов: там как раз разбирались все выдумки Данте.

— Съезд?..

— Да, периодически колдунам дают собраться вместе, обменяться новостями и просто пообщаться. В остальное время они замкнуты в местах своего обитания. У всех оно разное. У кого-то, как у Якова Брюса, его Сухарева башня. У того же Данте, например, вся Флоренция. Бедному Иофиэлю раз в месяц приходится оббегать весь город, чтобы его найти. Но это редкость. Обычно все же какое-то определенное значимое для колдуна место.

— А демоны? Демоны же тоже есть?..

Даня посмотрел прямо перед собой.

— Нет. То есть почти нет. — Вопросительный взгляд Мии был настолько красноречивым, что Даня тут же продолжил. — Ты же слышала про Второе пришествие? Так вот оно уже было.

— Что? Когда? — Мия не представляла, как человечество смогло не заметить конец света.

— По современному местному летоисчислению в 1666 году. Накопилось слишком много проблем в общении между Адом и Небесами, конфликт сдержать не смогли, и прошла великая битва.

— И?.. — переспросила Мия, когда поняла, что Даня замолчал слишком надолго для простой паузы в разговоре.

— Мы победили, конечно же.

— А демоны?..

— Все были прощены. И вернулись на Небеса. Рай милостив.

— То есть ты хочешь сказать, что все демоны снова стали... ангелами? А Люцифер?..

По лицу Дани пробежала кривая усмешка, в которой не было ни капли той теплоты, которая была при разговоре о Данте.

— Люцифер теперь снова архангел. Многие были не согласны с таким решением, но... это решали архангелы, обычных ангелов никто не спрашивал.

— А Адом управляют?.. — Господи, неужели она спрашивает и такое?

— Ангелы. По распорядку дежурства.

Спрятанный глубоко внутри Мии начитанный гуманитарий восхищался тем, как Даня в своей речи совмещает обыденность, высокопарный слог и канцеляризмы, которым позавидовал бы любой советский функционер. Этот странный словесный винегрет был для Мии еще одним доказательством того, что ее спутник не врет. Слишком естественно он сочетал эти несочетаемые слова.

— Но ты говорил, что демоны все-таки есть?

— Да. Некоторые остались. Отказались от благоволения вернуть себе ангельский свет. Но их немного.

— И чем они занимаются?

— Прячутся. Скрываются в тени. Толкают людей на путь греха. Людям, правда, это совсем не нужно. Они отлично справляются и без демонов.

— А разве во втором пришествии не должен был появиться сам Иисус?

— Да. Он и был. Но он... — Даня задумчиво постучал пальцами по рулю. — Он не участвовал. По крайней мере так я видел. Он просто смотрел. А потом ушел. Но главное, что ангелы победили. В мире слишком много зла, чтобы в нем оставались еще и демоны.

Мия не знала, что еще спросить после настолько патетического финала. Молчание длилось так долго, что перешло в тишину, которую нарушали лишь звуки дороги. Вел Даня быстро и умело, так, что в его стаж верилось безоговорочно. Ехал он гораздо выше установленной скорости, но Мия знала: на платной дороге никто за этим не следит. Через пункты оплаты они проезжали так быстро, как будто у Дани был транспондер**, но она не видела, чтобы тот что-либо доставал. Возможно, он использовал свои способности.

Ночь становилась утром. Живот сводило от голода, но Мия терпела. Она рассудила, что в какой-то момент им все равно придется заправляться, тогда она и сможет купить себе хоть что-то.

Так и случилось. Когда они пересекли границу Ленинградской области, Даня досадливо цыкнул.

— Придется залиться. Я делаю расход меньше, но совсем остановить его не могу.

То есть он все-таки влиял на расход? Логично, на самом деле, нельзя проехать с той скоростью, с которой двигались они, столько сотен километров на одном баке.

— Хорошо. — Мия кивнула, а потом указала на дорожный знак, мелькнувший в окне. — Как раз заправка.

— Останешься в машине.

Мия смутилась.

— Я бы все же вышла. Ну... Да и что-то купить в дорогу.

Плечи Дани напряглись, а взгляд остановился на несколько мгновений на приборной панели.

— Ты ведь не ела. — В его голосе прозвучала досада и, кажется, что-то похожее на вину, а Мия подумала, что стоило преодолеть свое смущение и все-таки попросить о еде еще в его кофейне.

— Не пропусти поворот! — Она вместо ответа указала на приближающуюся развязку.

Большое здание заправки сверкало огнями. Кроме них на парковке была только одна машина. Даня подкатил автомобиль к колонке, вышел. Вдруг он покачнулся, оперся о капот, сжал переносицу пальцами. Мия только сейчас заметила, насколько уставшим он выглядит. Могло ли быть так, что вождение, как и поддержание машины на ходу чудом, утомляли его? А как существа, подобные ему, поддерживают силы? Но не спросишь же...

Она отстегнулась, открыла дверь и вышла. Даня уже справился со своей слабостью и вставил пистолет в горловину бензобака.

— Давай я пойду заплачу? Тут наверное по предоплате? — Осторожно предложила она.

Даня осмотрелся. Лицо его выглядело изможденным.

— Ладно, — нехотя согласился он, — только будь осторожна.

Мия кивнула и пошла к зданию заправки. Прежде всего она оплатила бензин, затем сходила в уборную, где как следует умылась, растирая лицо холодной водой. Потом она вернулась к кассе и начала придирчиво осматривать прилавков.

— Пирожки берите, — дородная женщина-кассир кивнула ей, — свежие, сами едим. С картошкой вон, и с яблоком.

Мия, подумав пару мгновений, взяла по четыре штуки каждого вида, прихватив еще большую плитку шоколада. Этим не наешься, но какую-то энергию даст. Интересно, а сколько нужно Дане? Может быть взять побольше? А если ему нужна не еда, а что-то еще? Например что?

— Какие птички к нам залетают, а? — рядом с ее ухом раздался сиплый голос, прижимающий к земле нетрезвыми нотками.

Кассир закатила глаза.

— Иди уже, — тихо прошипела она непонятно откуда появившемуся высокому мужчине в потертых джинсах и кофте, — залился и вали дальше.

Вероятно, это был владелец той единственной машины, которая была сейчас на парковке.

— Да ну тебя, Рай, — мужчина склонился к Мие совсем близко, — такая красotka, дай поболтать, что ли. Угостить кофе? Тут не кофе, помои, а я живу рядом...

— Спасибо, не надо. — Мия сглотнула и сделала шаг назад. Мужчина положил руку ей на плечо, и ее опять обдало его несвежим дыханием. Внутри все сжалось в комок отвращения и накачивающего страха.

— Отцепись! — рявкнула кассир.

— Не шебурши, — огрызнулся тот, — мы просто поболтаем.

Скрипнула дверь.

— Не стоит водить в таком состоянии, — раздался за их спинами тихий голос Дани.

Мия обернулась. Даня, с серым от усталости лицом, стоял на пороге и смотрел неотрывно на держащего Мию за плечо мужчину.

Тот медленно моргнул.

— Не стоит, — кивнул он.

— Вам стоит отдохнуть тут, — продолжил Даня и махнул рукой в сторону ряда диванчиков, стоящих напротив продолговатых столиков в зоне кафе.

— И правда стоит, — опять кивнул мужчина и отпустил Мию. Он неуверенным шагом приблизился к одному из диванчиков и тяжело опустился на него, сразу же кладя голову с копной сальных волос на руки.

— Вы не против? — Даня подошел к кассе, окидывая Мию быстрым взглядом, как если бы проверял, цела ли она.

— Нет, — кассир покачала головой, — он часто тут появляется. Здесь деревня неподалеку, бедовый мужичок, конечно. Безобидный, но пристающий. Пусть отоспится, чудо что вы его так легко уговорили.

— И правда, чудо. — Даня устало улыбнулся уголками губ, а потом достал банковскую карточку и расплатился за пирожки и шоколадку, которые все еще лежали на прилавке.

— Это тоже из-за... эм... проклятья? — спросила Мия, когда они вышли на улицу.

— Это? А... — Даня обернулся на заправку. — Тот, что был в Москве — думаю, что да, под колеса его толкнуло оно. А этот — просто потому что люди склонны к возлияниям и тянутся к привлекательным особям противоположного пола.

— Наверное. — Мия повела плечами, только через мгновение осознав, что Даня обозначил ее как «привлекательную особь». Едва ли это был осознанный комплимент, а сам Даня ничего пояснять не стал и ретировался к машине так быстро, словно боялся, что их вот-вот накроет еще какое-нибудь последствие проклятья.

— Ты не устал вести? — спросила Мия, когда они отъехали от заправки, — если что, я могу...

— Нет. — Голос Дани был резким.

— Ты просто выглядишь... усталым, — осмелилась на замечание Мия, параллельно расправляясь с шоколадкой.

— Не из-за вождения. Я... — Он определенно раздумывал перед тем, как продолжить. — Я давно не использовал столько чудес за один день. Это может быть утомительно.

Мия видела, насколько он неохотно рассказывает об этом.

— И как тебе поддержать свои силы?

— Как и людям — поспать. — Даня избегал смотреть на нее.

— А еда? — Мия протянула ему пакет с пирожками.

Даня скосил на него взгляд.

— Не обязательно. Я же сказал, я ем, когда скучно.

— То есть еда не помогает?

— Помогает, — говорил Даня все с большей неохотой, — но я вполне справлюсь и сам. А вот поспать... — Он посмотрел на светлеющее небо. — Мы уже недалеко, но наведываться в гости лучше ночью.

— И что же нам делать целый день? — вздохнула Мия, пока Даня сворачивал на так удачно подвернувшуюся побочную дорогу.

Он заехал на небольшую полянку, окруженную высокими соснами.

— Спать. — С этими словами Даня потянулся к ее креслу, но тут же замер, поняв, что навис над Мией. — Я просто... поправлю. Чтобы... Чтобы можно было лечь.

— Я не уверена, что смогу заснуть. — В груди что-то зашепотало от того, что он был так близко.

— Надо поспать. — Даня нахмурился.

Мия почувствовала, как на нее осторожно накатывает усталость.

— Не проворачивай со мной... вот это. Давай без твоей магии. — Она покачала головой.

Даня хмыкнул. Нахлынувшая было усталость отступила.

— Тогда спи сама. Тебе нужны силы на следующую ночь.

— Хорошо, — послушно кивнула она, а следом опять вытянула перед собой пакет с пирогами, — но тогда и ты поешь.

Даня недовольно поджал губы, словно капризный ребенок.

Он протянул руку, медленно вытащил один румяный пирожок, приблизил к лицу.

— Можно есть, — резюмировал он.

— Это ты тоже чувствуешь магией?..

Даня посмотрел на нее, как на идиотку.

— Я понюхал. Нормальный запах.

— Понятно. — Мия смущенно улыбнулась своей глупости, но тут же тихо вскрикнула, потому что Даня дернул какой-то рычажок на ее кресле, и оно резко опустилось вниз, став почти горизонтальным.

— А теперь спи, — отрезал Даня, а потом принял отрешенно-возвышенную позу, выпрямив спину и полуотвернувшись к окну.

Впечатление, правда, несколько портил все тот же пирожок, от которого Даня, сохраняя все ту же позу, откусил сразу же ровно половину.

Мия сдержала улыбку, закинула пакет на заднее сидение, положила руки под голову и старательно закрыла глаза.

*Мия цитирует «Божественную комедию» в переводе Михаила Лозинского

**Транспондер - специальное средство для оплаты платных дорог

Глава 6.

Когда Мия засыпала, долго, мучительно ерзая и пристраиваясь на кресле, она думала, что проспит пару часов от силы. Но когда она снова открыла глаза, за окном было темно.

Она села, поежилась. Двигатель был заглушен, и поэтому в машине стало прохладно. И тут же она увидела светлую макушку, словно сияющую в темноте салона. Даня тоже спал, отвернувшись от нее, так тихо, что Мия засомневалась, дышит ли он вообще. Но, присмотревшись, она поняла, что спина его поднимается и опускается, а если очень прислушаться, то можно было различить сопение.

Какая-то неподвластная ее рациональной стороне часть разрешила себе ненадолго замереть в этом мгновении. Посмотреть еще раз на его макушку, честно сказать себе, что эта макушка, кажется, ей нравится. Что она шла в тот роковой день обратно за ключами, думая, что могла бы стать посмелее. Что, несмотря на всю хмурость, резкость и закрытость, Даня непостижимым образом по-прежнему делает все ей во благо, а не во вред. И что его необычайно темные, практически черные глаза кажутся ей... да, красивыми.

Думать об этом можно было только в короткий промежуток времени перед тем, как она заставила себя вернуться мыслями в реальность со всей не-реальностью происходящего.

Мия протянула руку к сумке, которая лежала на заднем сидении машины, достала мобильный. Так и есть, уже час ночи следующего дня. Она опять скосила взгляд на Даню. Чтобы она проспала почти сутки? Весь световой день без пробуждения? Наверняка не обошлось без его участия.

Как бы то ни было, ее сейчас волновали вопросы очень естественного и довольно смутительного характера. Мия, как можно тише открыв дверь автомобиля, выскользнула наружу. Она очень надеялась, что в лесу с ней ничего не случится: не упадет дерево, не нападет кабан или кто там еще водится в чаще.

Но все было спокойно, только черный лес покачивался от порывов довольно сильного ветра и скрипел так тоскливо, что по спине пробежали неприятные мурашки. Если есть ангелы, демоны и колдуны, кто знает, что может существовать в этом мире и скрываться в темноте?..

Мия тихо вздохнула и быстро пошла к машине обратно. Подойдя поближе, она поняла, что Даня тоже проснулся. Автомобиль ворчал прогревающимся двигателем, а тусклый огонек верхнего света выхватывал из темноты непослушную белую шевелюру.

— Куда ты вздумала ходить? — раздраженно кинул Даня, когда Мия устроилась на своем месте.

Она поджала губы, одновременно стараясь не показывать смущение от его вопроса.

Даня нахмурился сильнее, видимо ожидая ответ, но через пару мгновений складка между бровями разгладилась, а по щекам как будто пробежал румянец. Точнее из-за плохого освещения разглядеть не получалось.

— Ладно, — ворчливо сказал он и положил руку на рычаг переключения передач, — нам пора.

Машина тронулась с места. Мия потянулась назад, чтобы взять пакет с пирогами с заднего сидения. Вдруг она услышала резкий свист: завывающий ветер вдруг превратился в настолько сильный порыв, что машина качнулась. И тут же послышался громкий скрип, похожий скорее на стон, а сразу за ним — треск.

Мия поняла, что сейчас на них что-то упадет. Она невольно зажмурилась и прижала руки к ушам, однако... все было тихо. Она разжала руки и распахнула глаза.

Даня держал перед собой руку, похожий сейчас на героя фильма про супергероев. Он хмурился сильнее обычного, все черты его лица заострились. Взгляд его был сосредоточенным,

но через мгновение прояснился. Даня опустил руку и вздохнул. Мия посмотрела вперед и увидела, что в полуметре от капота лежит поваленный ствол широкой сосны.

— Я так и знала, — прошептала она, еще не отойдя от испуга. — Что на нас упадет дерево. Так и думала.

Даня покосился на нее.

— Лучше больше не думай.

Мия не удержалась от нервного смешка.

— Я постараюсь, — не стусевалась она и увидела уже привычную кривую усмешку. Кривую — но все же искреннюю, судя по тому, как сверкнули глаза Дани.

Он уверенно повел автомобиль к основной дороге, а Мия протянула ему пирог.

— Поешь, — мягко, но уверенно сказала она, — судя по тому, сколько ты держал меня во сне, силы тебе нужны.

Легкую язвительность она скрывать даже не пыталась.

Уголки рта Дани поднялись немного выше. Он протянул руку и взял пирог, уже без каких-либо пререканий.

— Спасибо, — пробормотал он, жуя, но ее замечание про сон никак не прокомментировал.

— И что ты еще умеешь? — Они уже выехали обратно на платную дорогу. Мия достала воду и сделала несколько жадных глотков, только сейчас поняв, как же сильно хотела пить. Еще одну бутылку, предварительно открыв ее, она протянула Дане.

— Умею? — От воды он тоже не стал отказываться.

— Да. Ты можешь проходить сквозь огонь, успокаивать, усыплять, лечить, кажется... Двигать падающие деревья? Что еще?

— В общем-то, я умею все. Любой ангел умеет все, — Даня говорил небыстро, уже с привычными для Мии паузами, в которые обдумывал следующие слова. — Все зависит от степени силы. Я... Я не самый сильный ангел. Я смог остановить дерево и сдвинуть его в полете, но если бы на нас падал, не знаю, например многоэтажный дом, то я едва ли смог бы что-то сделать. Я хорошо умею влиять на сознание людей, потому что достаточно долго с ними прожил, но все равно устаю от этого.

— А кто самые сильные? Архангелы?

— Ты уже запомнила? — Даня почему-то удивился. — Да, наши мудрейшие архангелы. Они могут гораздо больше.

— И тот... Габриэль? Верно? Тот, к кому мы едем? Он тоже сильный?

— Верно, — эхом отозвался Даня, но продолжать разговор не стал.

— Расскажи про него, — попросила Мия сама, поняв, что откровенничать с ней не спешат. — Мне же надо понимать, что меня ждет и куда мы едем.

— Мы едем на Малоохтинское кладбище, — проговорил Даня неохотно.

— И какой колдун живет там?

— Там живет колдун Иван Скрябин, бывший купец. Но... — Даня тяжело вздохнул. — На самом деле это очень слабый колдун, его бы никогда не оставили в междумирье, если бы он случайно не сотворил своим неумелым колдовством Санкт-Петербургскую аномалию.

Мия не стала перебивать его вопросом, и Даня продолжил рассказ сам.

— Иван Скрябин был купцом, достаточно успешным и обеспеченным. Родился он в конце семидесятых годов XVIII века, умер в сороковые XIX века. Оккультизм был его страстью. У него были средства заниматься чернокнижием, вступать в разные странные сообщества — все это Скрябину было интересно. И какой-никакой колдовской талант у него, как оказалось, был. Под конец жизни он сильно болел, знал, что умирает, и решил попробовать... — Даня неопределенно повел рукой в воздухе, — поколдовать. Ему, как он потом рассказывал на суде, было нечего терять, вот он и не боялся. Он решил наложить чары на семейное захо-

ронение Скрябиных. Чтобы душа его после смерти осталась в этом мире и могла выходить за пределы кладбища и приходить к родным.

Даня поморщился.

— Но в итоге у него получилось совсем другое. Точнее, сначала он решил, что не получилось ничего. Он провел на кладбище обряд, но как будто ничего не произошло. Через полгода после этого он умер, уверенный, что никакой он не колдун. А вот уже после того, как его погребли, на Малоохтинском кладбище началось Люцифер его знает что. Душа Скрябина и вправду осталась на земле, и правда получила возможность выйти из могилы. Но стоило только Скрябину попробовать уйти с кладбища... как пробудились все мертвецы, когда-либо захороненные там. Их души потянуло из Ада и Рая к телам в могилы. Кое-как их удалось вернуть обратно. Более того, все, кого хоронили после Скрябина, оставались в междумирье, не уходили ни в Рай, ни в Ад.

За окном мелькнул указатель. Петербург был уже совсем рядом.

— Кладбище работало еще целых сто лет. Одно, если можно так сказать, облегчение в том, что оно старообрядческое, поэтому хоронили на нем не так часто, как могли на обычном православном. Но все равно. Под две сотни мертвецов, которые остаются тут, в мире смертных. И кладбище, которое продолжает тянуть из Рая и Ада тех, кто был похоронен до Скрябина. Мы до сих пор не можем понять, что именно сломал неумелый чернокнижник. И поправить никак не можем. Единственное, что удастся — силами ангелов держать границы кладбища, так, что оно оставляет тех, кто давно ушел, в Преисподней и на Небесах, и так, что не дает мертвым ходить по городу. Но проблема в том, что сила этого места такая, что надо или несколько ангелов для того, чтобы его держать запечатанным. Или один очень сильный ангел.

— Габриэль? Потому что он архангел? — догадалась Мия.

— Да. — Отрезал Даня и опять нахмурился, сосредотачиваясь на дороге. Или делая вид, что сосредотачивается.

— Но ты говорил, что на земле следят те, кого... эм... сослали, — осторожно продолжила расспросы Мия.

— Да.

Мие очень хотелось вздохнуть на такое многословие.

— И его тоже сослали? За что?..

Даня опять поморщился.

— Прости, что расспрашиваю. Если мне не надо это знать...

— Надо. — Даня сжал руль. — Просто я не люблю эту историю.

— Это как-то связано с теми девушками?

— Да. С теми... С той. Вернее, наверное, сказать с той.

Они проехали мимо оформленного в античном стиле указателя «Санкт-Петербург».

— Я не знаю всех подробностей, я все-таки всегда жил в Москве, и меня вызывали в Санкт-Петербург только три раза, как раз на разбирательства и помощь с Малоохтинским кладбищем. Мы тогда пытались понять, что с ним делать. Был и суд над душой Скрябина, после которого его решили оставить на кладбище. И Габриэль как раз занимался историей с кладбищем, много времени проводил на Земле, и...

Даня забарабанил по рулю.

— В какой-то момент... Опять же, это все я знаю по слухам... Он встретил, кажется, на том же самом кладбище, девушку. Девушка эта навещала какую-то могилу. Анастасия. Ее звали... зовут Анастасия. — Оговорка как будто далась Дане с трудом.

— То есть... Они?..

— Да. — Даня нахмурился. — Габриэль предал свой долг и погряз свое происхождение, связался со смертной. Так случается. Но для архангела... Он не должен был. На архангелах

держится мироздание. Он не имел права. Но и это было не самым ужасным. Дальше он... О них узнали не сразу. Но когда узнали, то Габриэль сказал, что уйдет из Рая, что станет человеком...

— Ангел может стать человеком? — Мия не удержалась и перебила.

— Да. — Даня отвернулся от нее, проверяя, что вокруг все спокойно. Нужды в этом правда не было: они опять свернули на второстепенную дорогу, где было пусто. — Да, может, и он решил поступить так. Совершить полное предательство. Однако случилось несчастье, со всей семьей Анастасии.

Это была относительно небогатая семья, они жили в пригороде Санкт-Петербурга, в небольшом доме. Как и что случилось — никто не знает, но в одну ночь что-то произошло с трубой в их доме. Вся семья... Отец, мать, четыре дочери и служанка — все отравились угарным газом. Это произошло ночью, рано утром к ним пришел сосед по каким-то делам и увидел, что все в доме лежат, как мертвые. То есть... Они и были мертвые, почти все. Я хорошо знаю это, потому что был на суде уже над Габриэлем, там разбирали все подробности.

Соседи взломали дом, стали выносить семью на улицу, но было уже поздно. Отец и мать были мертвы, как и служанка. А дочери... Анастасия и три ее сестры. Они были еще живы, но обречены. Сестры умерли, одна за другой, уже на улице. И в тот момент, когда и Анастасия начала уходить из жизни, когда душа ее начала покидать тело, Габриэль вдруг появился рядом и...

Даня покачал головой.

— Никто опять же не знает, что именно он сделал. Как он это сделал. Но он архангел, сильнейший. Мудрейший. — Последнее слово Даня произнес с горькой усмешкой. — Он дал эмоциям завладеть его силой. У него на руках была умирающая девушка, а рядом еще три, погибшие только что, уже пустые, без души. А он не хотел отпускать свою Анастасию. Он каким-то образом разделил ее душу на три части и каждую из этих частей он поместил в тела ее умерших сестер. Он обманул так смерть, потому что такую нецельную душу не принимал ни Рай, ни Ад. Нецельную, да еще и принадлежащую не своему телу. Габриэль говорил потом, что сделал это неосознанно, не разбирая, как и что происходит.

Был суд потом. Никто не знал, что делать с Габриэлем. Те три тела, в которых была теперь душа Анастасии, он поддерживал своими силами. Вот таких, застрявших в недо-жизни, только ступивших на путь смерти... Без его силы они... она погибла бы в тот же момент.

— И Габриэль предложил себя как зрителя за аномалией? — догадалась Мия.

— Верно. — Даня кивнул. — Правда это было скорее шантажом. Небеса закрывают глаза на то, что он сделал с Анастасией, на то, что он уничтожил ее душу, а взамен он безропотно и навсегда остается зрителем Малоохтинского кладбища.

— А что Анастасия?

— А что она? — Даня нахмурился.

— Она не была против? Что она... Что так случилось.

— Нет. Она согласилась на то, чтобы существовать теперь вот так.

— А те три девушки? Ее сестры?..

— А что они? — Даня нахмурился еще сильнее.

— Ты ни разу не сказал, как их звали.

— Я... — Даня повернулся к ней на мгновение, и на его лице промелькнуло смущение. — Я не помню. Не знаю. Наверное, не знаю. Это было больше ста пятидесяти лет назад... Их души в Раю.

Мия кивнула без какой-либо эмоции. Как и со всем тем, что ей рассказывал Даня, ей было сложно понять свои чувства. Все, что она слышала, звучало слишком невероятно, чтобы разум мог воспринять это сразу и вписать в картину привычного мира.

Но все-таки одна вещь Мию беспокоила.

— А их не могли убить?..

— Что? О чем ты? — Даня встрепенулся.

Они выехали на берег Невы, и Мия в очередной раз поразилась, насколько же сильно отличаются две столицы и по архитектуре, и по тому, как устроено дорожное движение: чинность Москвы сменилась суетливостью светофоров Питера.

— Ты говорил, что Габриэль хотел... ну... стать человеком. И почти сразу после этого вся семья той девушки, ради которой он хотел это сделать, погибла.

— Это ужасное совпадение, — сказал Даня слишком уж быстро. — И как ты представляешь, кто мог это подстроить? Ангелы таким не занимаются! Ангелы не способны на такое.

Он говорил слишком пылко, и Мия поняла, что ни на какие отвлеченные рассуждения он не готов.

— Да, я понимаю. Прости. Просто пришло в голову, — она постаралась сразу же погасить его беспокойство.

А Даня выглядел именно беспокойным: не так, когда кто-то пытается что-то скрыть, а так, как происходит, когда кому-то подкидывают неожиданную и неприятную мысль.

Он ничего не ответил. Остаток пути до кладбища они провели в молчании.

Глава 7.

Мия очень любила Санкт-Петербург. Впервые она побывала в Северной столице еще когда Мие было одиннадцать. Тогда они должны были отправиться в путешествие всей семьей на их стареньком автомобиле: мать, отец, она и брат. Но брат в последний момент заболел. Родители решили, что Мия поедет с отцом: то ли нельзя было отменить отель, то ли не возвращали деньги за какие-то забронированные экскурсии.

Она очень хорошо помнила то безотчетное ощущение счастья и свободы. Помнила высокий сосновый лес, расходившийся по обе стороны трассы, ведущей в город. Теплый ветер, который трепал ее волосы в открытом окне. Помнила Неву, которая показалась ей не рекой, совсем нет — целым морем! Две недели они гуляли с отцом по городу, ходили по музеям, ели пирожные. Почти не разговаривали, конечно. Отец мало говорил и больше рассеянно улыбался, выполняя любые желания Мии.

Больше они с отцом никуда вдвоем не ездили. Они вообще потом мало путешествовали. Мать окончательно погрузилась в бизнес, и они с отцом стали ездить на море, потому что ей надо было отдыхать, в том числе и от детей. Отец не возражал, что Мию с братом оставляли. Он никогда не возражал.

Но ту поездку в Питер Мия хранила в сердце как одно из главных сокровищ. Прямые улицы, дворы-колодцы, совсем другие люди, совсем другой город. Когда она переехала в Москву, то старалась ездить в Питер хотя бы пару раз в год. Москва быстро стала для нее родной и понятной. Северная столица осталась той, другой: отстраненной, но любимой.

Она была рада вернуться сюда, несмотря на все странные обстоятельства их путешествия. И, наблюдая за Даней, который умело вел машину через острые питерские перекрестки, она чувствовала, как сплетаются внутри в причудливый узор ощущение прошлого счастья, любовь к красивому городу и эмоции к Дане.

Он запарковал автомобиль и кивнул на противоположную сторону дороги, на самую обычную кладбищенскую ограду.

Мия и в более ранние годы жизни не отличалась любовью к заброшенным зданиям, кладбищам и закрытым территориям. Даже на экскурсии по захоронениям, несмотря на интерес к истории, не ходила. Когда она вышла из машины и подошла вместе с Даней к ограде, по спине невольно пробежал холодок. Любое кладбище — место грусти и боли. Невнятная темнота питерских белых ночей усугубляла ощущение тоски.

— И что нам теперь делать? — тихо спросила Мия, когда они встали перед оградой.

— Стучаться, — мрачно ответил Даня.

— Стучаться? — переспросила она непонимающе, краем глаза увидев, что в маленькой проходной загорелся свет. Сейчас охранник выйдет, будет задавать вопросы...

— Дай руку, — скомандовал Даня.

— Что? — Мия, отвлеченная беспокойством за то, что их увидели, не сразу поняла его просьбу.

Вместо ответа Даня крепко сжал ее ладонь. Рука его была холодной, кожа — грубоватой, как часто бывает у мужчин. Мия поняла, что смутилась, и как будто — тут ей наверняка показалось — увидела пробежавший по щекам Дани румянец.

Но тут же ее внимание заняло совсем другое.

Та ограда, которую Мия только что видела, словно растворилась в воздухе. Вместо этого появились высокие кованые ворота. Темнота ночи стала гуще, кладбищенские памятники, видимые через решетку, как будто тоже поменялись. На ворота приземлился ворон.

Все это очень подошло бы как декорация к фильму Тима Бертона.

Даня скривился.

— Да, Габриэль очень любит производить впечатление.

И только в этот момент он отпустил ее руку, а затем подошел к воротам, две створки которых были сомкнуты круглой ручкой с молотком.

Даня постучал молотком три раза, а потом отступил обратно к Мие, одновременно запуская в волосы одну руку. Ворота начали медленно, с пробирающим до костей скрежетом открываться. Ворон каркнул и перелетел на одну из облупленных колонн, которыми была украшена расходящаяся от ворот изгородь.

Даня закатил глаза. Его реакция немного помогла Мие справиться с невольно накатывающим на нее ужасом.

Это было нереалистично живописное кладбище: шуршащие гравием дорожки, поросшие мхом надгробия, между которыми наползал туман. И черная, непроглядная ночь, с едва выглядывающей из облаков луной. Слишком идеально... Но все же это было кладбище, настоящее — Мия чувствовала, что тут похоронены люди, что их родственники приходили сюда горевать.

Они с Даней шли бок о бок, вдоль могил, и Мия не понимала, куда. Внезапно стало резко холодно, а потом...

Что она увидела Мия смогла осознать уже после того, как с тихим, но довольно тонким вскриком — потом она все же призналась себе, что это был самый настоящий визг — отвернулась и уткнула лицо Дане в грудь, как делают маленькие дети, прячась во взрослых от всего, что их пугает.

Даня не оттолкнул, положил руку ей на голову. Мия поняла, что дрожит, и успокоиться смогла лишь через несколько тактов дыхания, которые продышала все так же не отлепляясь от футболки Дани. О том, как она сейчас выглядит, и насколько сильно это на самом деле ему неприятно, она решила не думать.

Когда дрожь во всем теле немного утихла, а сердце перестало стучаться в ребра, она заставила себя повернуть голову к тому, что ее так напугало.

Призрак. Над дорожкой висел самый настоящий призрак, такой, как описывается обычно в книгах: полупрозрачная человеческая фигура — за ним было видно уходящие вдаль могилы — с расплывчатыми границами. Его внешность не очень подходила готическому антуражу кладбища: широкое и плоское лицо, окладистая борода, простой русский кафтан и штаны. Ноги растворялись в пространстве так, что была видна лишь половина, но, кажется, обут он был в высокие сапоги.

— Сударыня, простите, что напугал вас. — Призрак звучал совершенно обычно, разве что его голос немного разлетался в пространстве эхом.

— Совершенно не обязательно было встречать, Иван, — недовольно ответил Даня. — Я прекрасно знаю, куда идти.

— Так распорядился господин Гавриил. — Призрак развел руками. — Чтобы мы все вас встречали.

— Он тебе не господин. — Ворчливость Дани оставалась неизменной. Он все еще держал руку на голове Мии.

Призрак снова развел руками.

— Ну, это у всякого в своей избушке. Вот у вас с Яковом Вилимовичем по вашему, а у нас — по нашему. Так что велено встречать, причем всем...

Мия поняла, что становится холоднее. Из рта вырывалось облачко пара. В следующее мгновение она порадовалась тому, что все еще утыкается в футболку Дани.

Над могилами стали клубиться небольшие облачка, которые становились с каждой секундой все плотнее и плотнее. Другие привидения — много, много привидений. Не все из них выглядели так же... живо, если такое слово было уместно, как встречавший их Иван. На ком-то была истлевшая одежда, у кого-то от волос остались лишь клоки на голом черепе. Женщины,

мужчины, и, что хуже всего — дети. Страшнее всех была маленькая девочка без глаз, одетая в пышное, все в кружевах, платьишко.

Призраки висели над своими могилами и смотрели на Даню и Мию, становясь то более расплывчатыми, то четкими.

Казалось бы, сколько фильмов ужасов Мия посмотрела за компанию. Несколько раз она бывала в довольно реалистичных комнатах страха и однажды — на очень страшном квесте. Но все это было игрой. На то, как реагирует тело на действительно потустороннее явление, она повлиять никак не могла — как не могла тогда, когда Даня показал ей свои крылья. Но если в кафе ей почти стало дурно от ощущения нереальности, то сейчас ее охватил настоящий, панический страх, от которого волосы буквально вставали дыбом. Все, как описывается в книгах, но это были не книги — это была реальность. Только рука Дани, от которой по всему телу расходились волны спокойствия, удерживала ее от того, чтобы не свалиться в истерику.

Она заставила себя не смотреть на блеклую толпу вокруг и подняла взгляд на Даню. Тот вовсе не выглядел испуганным. Наоборот, его глаза блестели очень недобро, а складка между бровей стала глубже.

— Пойдем. Они нам ничего не сделают, — твердо сказал он. На пару мгновений их взгляды пересеклись. Внутри стало теплее. Он, кажется, не раздражался на ее страх и на то, что она искала в нем хоть какую-то безопасность.

— Хорошо, — одними губами ответила Мия, а потом все же смогла взять себя в руки и отстранилась от Дани, оставаясь просто рядом с ним. Ужасно хотелось снова взять его за руку, но она решила, что и так пересекла любые границы его поистине ангельского терпения.

— Еще раз все мои извинения, но так попросили — чтобы все, кто есть, встретили! — Тот призрак, которого Даня назвал Иваном, еще раз развел руками.

— Веди. — Каменным голосом приказал Даня. — Или я дойду сам.

— Пожалуйста-пожалуйста! — Призрак повернулся к ним спиной и поплыл над дорожкой.

— Это тот самый Иван Скрябин, — быстро шепнул Даня Мие на ухо.

Мия кивнула и пошла рядом с ним вслед за призраком. Она решила, что сосредоточится на чем-то простом, например, на том, как шуршат ее туфли по гравию. Она не будет смотреть вокруг, она будет думать о том, что все происходящее — странный фон, не больше. Но от призраков все равно исходил пробирающий холод, не только физический: внутри растекалась неизбывная тоска и страх, которым противостоять самостоятельно было очень сложно.

Они шли и шли вдоль могил, и Мия удивлялась, как могло старообрядческое кладбище быть таким большим. Возможно, это был какой-то обман сознания. Вороний грай раздавался то там, то тут, облака не расходились. Только призрак Ивана Скрябина плыл впереди маяком через безмолвное море мертвецов.

Наконец в конце дорожки, из низко висящих клубов тумана, показалось здание, похожее на большой склеп. Серые гранитные колонны, узор в виде гроздьев винограда, имитация окон — несмотря на сковывающий страх, Мия оценила, что выглядит все меланхолично-красиво.

В склеп вели высокие, под три метра, двери из темного дерева, украшенные резной лиственной. Когда Даня и Мия с призраком Ивана Скрябина приблизились, одна из створок медленно, с почти торжественным скрипом отворилась, и на порог шагнул Габриэль.

Выглядел он совсем иначе, чем тогда в кофейне. На нем были старомодные брюки с пуговицами спереди, похожие на те, что носили герои Джейн Остин, а широкая белая рубашка с глубоким вырезом открывала гладкую плоскую грудь.

Габриэль оперся спиной о двери и сложил руки на груди в уверенном, отдающим развязностью жесте.

— Даниэ-э-эль, — протянул он, наводя на лицо добродушное гостеприимство, — какими прекрасными судь...

Он не смог договорить. Даня рванул вперед, в два шага преодолев расстояние между собой и Габриэлем, а потом схватил того за горло, вжал в дверь и приподнял в воздух.

Призрак Скрябина охнул, Мия распахнула глаза. Габриэль что-то невнятно хрипел и болтал в воздухе ногами. Мия видела только спину Дани. Его плечи напряглись, но все равно не казалось, что ему тяжело держать Габриэля в воздухе.

— Л-лад-н-но тебе, — смог с сильным дребезжанием выдать Габриэль, — а п-п-поговорить?

Даня разжал руку. Габриэль приземлился на ноги, тут же возвращая себе высокомерно-уверенное выражение лица.

— Поговорим, — процедил Даня и на секунду обернулся на Мию. Она была уверена, что в его темных глазах сейчас горела едва контролируемая ярость.

— Прошу! — Габриэль широко открыл створку и сделал приглашающий жест. Улыбка все также не сходила с его лица.

Призрак Скрябина замер над ступеньками в склеп.

— Иван Матвеевич, там только начали синема показывать, может и вы пройдете?

Призрак полетел вверх.

— Действительно? — охнул он воодушевленно, а потом, не дожидаясь больше никого, расплылся в бесформенное сизое облако и просочился внутрь склепа.

— Прошу простить за манеры, — улыбка Габриэля стала еще белозубее, — имеет большую слабость к кинематографу.

Мия непонимающе нахмурилась. Габриэль выставил вперед руку и поманил ее одним пальцем, словно ребенка. Это было неприятно. Она посмотрела на стоявшего рядом с проемом Даню. Лицо его было каменным, губы сжались, но он обернулся на нее и быстро, едва заметно кивнул.

— Ну же. Я не кусаюсь. Почти, — замурлыкал Габриэль, а Мия подумала, что вообще была бы не против, чтобы Даня подержал его в воздухе подольше.

Терпел его поведение Даня, видимо, из-за нее, иначе... Хотя она видела, как он тогда не стал отвечать ударом на удар в подсобке в кофейне. Что за отношения связывают этих двоих?

Мия переступила порог склепа и тут же оказалась в большом помещении с высокими потолками. Тут уже не было опутывающего холода кладбища, только ровное и комфортное тепло, как будто кто-то включил и хорошо отрегулировал батареи.

Все помещение было заставлено небольшими столиками, вокруг которых стояли разномастные стулья: какие-то как будто из советской столовой, какие-то унесли из дворянской усадьбы. Стены увешаны разноцветными лампочками, на одной — растянуто большое белое полотно, куда с потолочного проектора транслировался фильм. Хэмфри Богарт в белом костюме стоял около стойки в своем же баре и разговаривал с расстроенной девушкой в красном платье.

Все стулья перед экраном были заняты призраками, которые сидели и увлеченно смотрели кино.

Мия еще раз про себя повторила: призраки сидели и смотрели кино. Хорошо. Видимо, она сможет принять и это.

Тут она заметила еще одного человека в зале — или не человека, но по крайней мере он не был призраком. Мужчина, похожий на булгаковского Коровьева, сидел, одной рукой держа небольшую чашку, а второй — самую обычную газету. Он не смотрел в их сторону или же делал вид, что не смотрит.

Взгляд Мии перешел на самую дальнюю от нее стену, где оказалась барная стойка, подсвеченная синими фонариками. За рабочим местом до потолка шли стеллажи с бутылками. За стойкой стояли три девичьи фигурки — те самые спутницы Габриэля. Или спутница?.. Мия не понимала, как правильнее, и это смущало.

Габриэль махнул троице. Одна из девушек подняла руку и махнула в ответ, другие две стояли рядом с ней безмолвно, смотря в одну точку перед собой.

Габриэль подошел к серой, почти незаметной двери, открыл ее и встал рядом, приглашая внутрь.

Даня зашел первым, Мия за ним. Габриэль шагнул следом, с щелчком закрывая дверь. Они оказались в небольшой комнате, с такими же высокими потолками, как в соседнем помещении, с окнами, занавешенными тяжелыми бархатными шторами. Большой рабочий стол с резными ножками занимал почти половину пространства.

Габриэль упал в массивное кресло с витой спиной, закинул ноги в черных сапогах на столешницу и кивнул на два стула напротив стола.

Даня садиться не стал, а встал перед столом и сложил руки на груди, зеркаля жест Габриэля. Мия решила подождать, что же он будет делать дальше.

Повисло молчание.

— Ну так?.. — нараспев начал Габриэль.

— Давай уже. — В голосе Дани послышались новые для Мии нотки, напоминающие зарождающееся рычание.

Габриэль приподнял бровь, словно ожидая, что Даня скажет что-то еще. Тот продолжал молча и неотрывно смотреть на него. Их немой поединок продолжался долгую минуту, после чего Габриэль, немного капризно скривив губы, небрежно махнул рукой.

Волна неприятного жара прошла по всему телу Мии, от пяток до макушки. Даня повернулся к ней, посмотрел напряженно, но потом, видимо, удостоверился, что все нормально, и кивнул сначала себе, а потом ей.

— Хорошо. Нам пора обратно.

— Уже? — Габриэль вскочил со своего места и пружинящей походкой подошел к Дане. — А как же остаться? Мы же так редко общаемся.

Он положил руку на плечо Дани, но тот тут же ее скинул.

— Нам пора обратно, — повторил он с металлом в голосе.

Габриэль картинно вздохнул.

— Что ж. И когда еще выдастся такой удачный случай! Чтобы милая девушка... — он стрельнул глазами в Мию, — уронила сумку так удачно, забыла свои ключи...

Тут до Мии дошло, что все произошедшее от начала и до конца не было никакой случайностью. Она не просто так выронила ключи в тот день. Габриэль продумал эту «шутку» и подстроил каждый ее шаг. Почему она не подумала об этом раньше? Но зачем ему все это?..

Но сейчас ей стало уже не до размышлений. Она увидела, как лицо Дани превратилось сначала в каменную маску, а потом скривилось от ярости так сильно, что она испугалась и сделала от него шаг в сторону.

И вовремя.

В следующее мгновение Даня сжал руку в кулак и что есть силы дал Габриэлю по лицу. Тот, вопреки всем законам физики, отлетел далеко, прямо в стену, и сразу затем сполз на пол. Но тут же приподнялся, довольно скалясь и вытирая текущую из носа кровь.

— Так и знал... — прошелестел он. Голос его стал глубже, раскатистее. — Строишь святошу, а зайди речь о девчонке...

Даня, уже, видимо, не владея собой, бросился на него с кулаками. Габриэль дико, почти безумно рассмеялся, замахнулся и что есть силы дал ему под дых. Даня опять ударил его по лицу.

Дальше Мия не смотрела. Она инстинктивно закрыла глаза руками и вся сжалась, не понимая, как ее еще не задела.

Вдруг ее плеча коснулась рука, а тихий голос произнес:

— Пойдем отсюда. Дай им выпустить пар.

Мия обернулась. Позади нее стояли три девушки, имен которых она до сих пор не знала. Говорила с ней одна из них, остальные стояли по бокам, как обычно смотря в никуда.

Звуки ударов раздавались уже где-то в углу комнаты. Один из стульев оказался перевернут. В воздух взметнулся сноп перьев: темно-серых и других, посветлее, в которых Мия узнала перья с крыльев Дани.

— Да, пойдем, — быстро сказала она.

Тут ей делать было решительно нечего.

Глава 8.

Девушки вернулись за барную стойку, Мия устроилась на высоком стуле.

Из комнаты, откуда они только что вышли, раздался глухой шум и грохот, как будто свалилось что-то тяжелое.

— Не переживай, — сказала ей одна из девушек, не та, которая предложила ей уйти от дерущихся ангелов. — Они не будут делать друг с другом ничего, что не смогло бы быстро зажить.

— Но...

Судя по звуку, только что кого-то швырнули о стену.

— ...зачем им это? — закончила Мия, напряженно прислушиваясь.

— Мальчишки. — Третья девушка пожала плечами, когда две другие неподвижно застыли.

Голос у всех троих был похожим и довольно приятным на слух.

— Они же не... — Мия поняла, что, общается в баре, набитом призраками, с тем, кого можно назвать довольно сложным аналогом зомби, причем так, словно две подружки решили обсудить парней.

— Вполне себе мальчишки, — за спиной Мии послышался короткий смех, и к барной стойке подошел напомнивший ей Коровьева мужчина. — Простите, что вторгаюсь в беседу, просто не так часто увидишь тут... ну... — Он обвел руками помещение. — Просто человека.

Мия заметила, что его правая ладонь стянута бинтом.

— Так вот, — продолжил мужчина, — ангелы по сути своей — те же дети. Ну хорошо, не дети, но многие по эмоциональному своему развитию, даже архангелы, замерли где-то в возрасте чуть старше двадцати. Они вечно молоды, и у них почти нет возможности повзрослеть. Разве что те, кто живет среди смертных, немного, скажем так, обтесываются. Но, все же, оставаясь ангелами, они сохраняют внутри и всю юность мира. Ах да! Я не представился!

Лицо мужчины виновато вытянулось.

— Роман Михайлович Успенский. Бывший ангел Рамизель. Можно просто Роман. К вашим услугам!

— Бывший? То есть па... падший? — Мия запнулась о все еще непривычные высокопарные формулировки.

— А вы уже кое-что знаете про наш мир. — Роман с теплотой улыбнулся.

Улыбка делала его некрасивое лицо очень живым и приятным.

— Но я совсем не падший. Просто бывший. Вполне себе вот уже тридцать лет человек, что, кажется, мое полное юности и свежести лицо не слишком успешно скрывает. — Он опять коротко рассмеялся, но потом скривился.

— Что такое? — спросила одна из девушек.

— Пустяки, Настенька. — Роман качнул забинтованной рукой. По спине Мии пробежал холодок — она увидела, что перевязка, еще недавно белая, сейчас заалела.

Со стороны девушек раздался вздох, и одна из них — не та, что говорила до этого — наклонилась и начала искать что-то под столешницей.

— Настенька, право слово, ни к чему...

— Дай сюда.

На столешницу с металлическим лязгом приземлилась коробка с изображением красного креста. Тут же вперед выступила третья девушка, которая пальцем показала на забинтованную руку Романа.

— Я могу сам...

— Неудобно, — отрезала уже первая.

Роман покосился на Мию и как будто смутился.

— Нестрашно, — бросила вторая.

Роман с тихим вздохом положил ладонь на столешницу и начал левой рукой развязывать бинт.

— Дай помогу — Третья девушка потянулась к перевязке.

— Не надо, я вроде как врач. — Роман улыбнулся, но тут же поморщился. Бросив еще один смущенный взгляд на Мию, он потянул бинты наверх.

Во всю ширину его ладони алела неаккуратная полоса, похожая на не до конца заживший ожог. В нескольких местах кожа потрескалась и выступила кровь.

— Вот. — Первая девушка достала из аптечки мазь и свежие бинты.

Роман взял баночку, но левой рукой открыть ее не получалось. Вторая девушка перехватила мазь и быстро отвинтила крышку, сразу застывая безжизненной статуей.

Роман грустно вздохнул, глядя на нее, но тут же поморщился, когда третья девушка осторожно мазнула лекарством по его ладони.

— Ничего, просто обострение, — объяснил он как будто самому себе, — пройдет.

Мие очень хотелось задать много, много вопросов: и про девушек, и про него, но и не хотелось быть бестактной. Роман скосил на нее взгляд и, словно прочитав ее мысли, продолжил сам:

— Вы ведь знаете, что ангелы могут становиться людьми? — спросил он издали.

Мия кивнула.

— Только не понимаю как.

— Все довольно просто. Ангелы и люди созданы по образу и подобию Господа. Только ангелы — это немного больше, чем люди. Это как... Как вас зовут? Простите, я категорически невежлив сегодня.

— Я тоже невежлива. Меня зовут Мия.

Она наблюдала, как Роман вместе с первой девушкой прилаживали свежие бинты на его рану.

— Очень приятно, Мия! Так вот, представьте себе матрешку. Ангелы — это, скажем так, верхний слой. Люди — то, что внутри. Людей создали, убрав все ангельские силы и бессмертие. Но в любом ангеле есть та самая суть, человеческая. И можно отказаться от верхнего слоя, от силы и бессмертия, и оставить себе только то, что внутри. Обычного, уязвимого и смертного человека.

— А как это сделать? — тихо спросила Мия.

Роман пошевелил перевязанной ладонью.

— О, это целое событие. Нас, таких ангелов, не очень много. Считается, что это чистое безумие — отказаться от дара всесилия и бессмертия... Собирается совет и суд. Тебя пытаются уговорить. А если ты и правда решился на это, то тебе возвращают твой меч. У каждого ангела есть меч, мы ими пользуемся, конечно, редко, но да, в оружейной есть у каждого. Так вот, тебе дают меч. Созывают весь сонм ангелов. Все на тебя смотрят. Ты берешь меч, сам лишаешь себя крыльев...

Увидев, видимо, непонимание на лице Мии, он добавил:

— Отрубаешь, то есть. А после меч сгорает у тебя в руке, оставляя небольшой шрам.

Он помахал перебинтованной рукой. Небольшой его рану назвать можно было с натяжкой.

— Ты забыл сказать, что раны эти не заживают никогда и болят. И там, где были раньше крылья — тоже шрамы, — тихо сказала одна из девушек. Кто-то из них уже успел убрать аптечку обратно.

— Никогда? — эхом переспросила Мия, которая еще не поняла, какие эмоции испытывает от услышанного.

— Преувеличение! — цыкнул Роман. — Я вполне привык!

Мия подумала, что «вполне привык» — не то же самое, что «не болит», но в это время перед ней выложили на столешницу кошелек. Роман ткнул свежезабинтованной рукой в фотографию, которая старомодно красовалась в специальном окошке. Он, миловидная женщина и двое сыновей.

— Зато смотрите! Все ради этого. Ни один ангел там, — он показал пальцем наверх, — не поймет того, что понимают те, кто живет здесь, — он обвел руками помещение.

— А еще на небесах невыносимо скучно! — раздался насмешливый голос.

Мия поняла, что, увлеченная рассказом Романа, она перестала прислушиваться к происходящему в комнате.

Габриэль нырнул за стойку, поцеловал в макушку ту из девушек, которая смотрела сейчас на него осмысленно, летящим жестом тронул плечи двух других, потом ловко достал какую-то бутылку с верхней полки и поставил на столешницу. Мгновение — и он плеснул что-то в стопку и опрокинул в себя.

Рубашка на Габриэле теперь была полностью распахнута, открывая поджарый торс. Мия старалась не разглядывать его слишком долго, но тот все равно заметил и усмехнулся. Верхняя губа Габриэля была разбита, глаз наливался синяком, но он тут же провел рукой по лицу — и все ранения стерлись.

— Дэн, не желаешь ли?.. — Габриэль махнул бутылкой в сторону двери из своего кабинета.

Даня появился, все такой же хмурый, и выглядел он почти также, как обычно, не считая того, что его футболка из белой превратилась в пыльно-серую. К облегчению Мии, никаких ранений на нем видно не было, разве что волосы были немного более растрепанными, чем обычно.

Наверняка, подумала она, Габриэль оставил несколько ссадин, чтобы покрасоваться.

На предложение о выпивке Даня ничего не ответил, только подошел к Мие и вопросительно посмотрел на нее.

— Все в порядке, — тихо сказала она, хоть никакого вопроса он так и не задал.

Даня кивнул и складка между его бровей немного разгладилась.

— Так вот! — Габриэль продолжил вещать. — Тут гораздо веселее. Хотя и бывает скучно, конечно. Но мы находим себе неплохие развлечения, правда?

Он развязно подмигнул одной из девушек.

— Например, — кивнул он затем на призраков, смотрящих за сердечными переживаниями Хэмфри Богарта и Ингрид Бергман, — я придумал привидениям коктейли, которые они могут пить!

Только сейчас Мия поняла, что почти все духи и правда потягивали из низких стаканов какую-то светлую, почти прозрачную субстанцию.

Что ж, это было даже... заботливо? Только очень хотелось спросить, было ее проклятие для Габриэля таким же развлечением или все же чем-то другим. Но она промолчала — не хотела выводить конфликт на новый круг. Даня выглядел достаточно спокойным, но она уже поняла, каким быстрым может быть переход к вспышке ярости.

— И что, они пьянеют? — спросила она вместо этого.

— Ну, в каком-то смысле. — Габриэль пожал плечами. — Это положительно влияет на их центры удовольствия. Оказывается, они у них остаются! Я изучал!

Роман в это время повернулся к Дане и протянул руку для рукопожатия.

— А я...

— Я знаю, — тот покосился на руку, но не ответил на рукопожатие, — я помню тебя, Рамиэль.

— Но ты не был на моем суде, — немного удивленно протянул тот.

— Зато ты был на моем. — Даня смотрел спокойно, но безо всякого расположения на лице, скорее с отстраненностью и равнодушием. — Не знал, правда, что ты живешь тут.

— Да, — улыбка Романа была немного виноватой, — и вот когда жена с детьми уезжает к теще, нападает бессонница, тяжело без них, и вот я прихожу сюда и...

— Как угодно. — Даня пожал плечами, а потом повернулся к Габриэлю и девушкам. — Нам пора.

— Все-таки пора? Все-таки уже? — Габриэль приложил руку к груди. — Мне что, опять придется что-то изобретать, чтобы мы смогли пообщаться?

— Если ты еще раз что-то изобретешь, я доложу архангелам, — Даня говорил уже без той ярости, которая была у него до драки, но Мия все равно различила угрожающие нотки.

— В этот раз же не доложил.

Мия, кажется, могла рассмотреть все идеально ровные и белые зубы Габриэля.

— Но раз пора — так пора, — тут же переключился тот, пока Даня не начал заводиться, — в любом случае здорово, что мы показали Мие наше гнездышко, правда? — Он приобнял за талию девушку, которая стояла к нему ближе всего. Та подняла руку и стукнула его по голове, а потом снова неподвижно замерла.

— Нам пора, — упрямо повторил Даня и развернулся к двери.

— Только когда выйдете — лучше не через главные ворота! Если охраннику отвести глаза — у него начнутся кошмары, бедняжка.

— Разберись, — отрезал Даня. — Не провожайте.

Он кивнул Мие и, больше ни с кем не прощаясь, быстро пошел к выходу. Мия немного смущенно махнула рукой и Роману, и Габриэлю, и даже спинам увлеченных фильмом привидений. Анастасия смотрела на нее глазами одной из своих сестер: спокойно и как будто даже с симпатией. Мия осторожно улыбнулась ей, подумав, что по-прежнему не знает, как зовут каждую из тех, чьи тела Анастасия занимала. А та, прежде чем снова стать безучастной, ответила ей едва заметной улыбкой.

После этого Мия пошла к дверям, где ее уже ждал Даня.

Привидения больше не воссоставали из могил. Перед Мией и Даней было тихое, обычное кладбище, разве что слишком красивое для того, чтобы быть настоящим. Созданное неутоимым и, кажется, не смущающимся никогда и ничего существом, которому просто очень скучно.

Они шли с Даней рядом, но Мие больше не было страшно. Возможно, она привыкала. Да и не было леденящего присутствия привидений, как тогда, когда они только появились тут.

Но как им отсюда выйти, если Габриэль просил их не пользоваться воротами?

Только она об этом подумала, как глаза обжег солнечный свет: неяркий, он все-таки был непривычен после кладбищенской ночи. Они вернулись в их реальность. Вокруг было Малоохтинское кладбище, похожее на любое другое в историческом центре российских городов. Судя по освещению, все еще было утро, но не такое раннее, как когда они приехали. В конце дорожки виднелись закрытые ворота.

— Пойдем туда. — Даня посмотрел в противоположную сторону.

— Думаешь, Габриэль не пошутил про кошмары охранника?

— Откуда я знаю, — мрачно ответил тот, но, судя по тому, что все же к воротам не направился, решил не проверять слова Габриэля.

Через несколько минут они были у высокой решетчатой ограды, упирающейся в безлюдный палисадник. Даня, ничего не объясняя, схватился за прутья, быстро и ловко подтянулся, перемахнул через ограду и приземлился на противоположной стороне, тут же просовывая руки через прутья. Он приставил их друг к другу и посмотрел на Мию.

— Обопрись ногами, у тебя получится перелезть.

Мия посмотрела на ограду с сомнением. Та была в полтора ее роста. Но или так, или идти к будке охранника и объяснять, что она любитель ночных кладбищенских загулов.

Все еще думая, что это очередная шутка Габриэля — только зачем ему все же все это? — она приподняла ногу, стянула с нее туфлю и кинула за ограду.

— Что?.. — начал было Даня, но Мия уже поставила разутую пятку ему на руку, схватилась за ограду, подтянулась. Балансируя на одной ноге, она и с другой стянула обувь и отправила ее за прутья.

Даня, почувствовав, что она теперь опирается на его руки обеими ногами, поднял их выше, чтобы Мия смогла ухватиться за край ограды.

Думая, насколько же неизящно это все выглядит, Мия подтянулась, кое-как перекинула ноги, потом, преодолев страх, повисла на противоположной стороне. Но вдруг руки заскользили, она все-таки испугалась, разжала ладони...

И точно бы свалилась на землю, если бы Даня не успел подхватить ее, да так, что она двумя руками сначала обвила его шею. Лица их на несколько мгновений оказались слишком близко друг к другу. Ее пальцы мазнули по его волосам — на ощупь те оказались плотными и жесткими.

Потом Даня перехватил ее и держал теперь более отстраненно, но и не отпускал.

— Зачем ты сняла обувь? — тихо и немного сипло спросил он.

— Я?... Ну... — Мия рукой обхватила его шею, стараясь выглядеть спокойной, но горящие щеки определенно намекали на то, что она покраснела. — Подошва же...

— Что — подошва? — Даня говорил очень медленно.

— Грязная, — тихо, почти шепотом ответила она, поняв, что все это время они смотрели друг другу в глаза.

Даня ничего не ответил. Он как-то так перехватил ее, что теперь ему удавалось держать ее одной рукой. Затем он наклонился, не выпуская Мию, поднял с земли лежащие рядом с его ногами туфли, распрямился снова.

Для этого нужна была немаленькая сила, подумала Мия, а Дане как будто было и несложно.

— Вот. — Он протянул ей туфли.

Мия, пытаясь делать все с как можно большим достоинством, пускай в данной ситуации это и выглядело скорее как трепыхания гусеницы, обула свободной рукой одну ногу, а потом выскользнула из рук Дани, чтобы опереться о его плечо и обуть вторую. Щеки все так же горели.

— Хорошо, — сказал он, — теперь мы можем ехать домой.

Голос его звучал тише, чем обычно. Мия присмотрелась повнимательнее, и в сером утреннем свете смогла разглядеть темные круги под глазами ее спасителя от проклятий и падений.

— А тебе не надо отдохнуть? — решила спросить она.

— Нет, — отрезал Даня и пошел по палисаднику по направлению к проезжей части.

— Ангелы не устают? — Мия пошла за ним.

— Устают, — признался Даня после небольшой паузы, — но...

Он обернулся на нее через плечо, и в его взгляде Мия прочитала нерешительность.

— Нам надо домой, — упрямо сказал он как будто самому себе и пошел дальше по улице к перекрестку, за которым должна была быть их машина.

— Я никуда не тороплюсь. И я устала спать в машине, и я была бы не против небольшой передышки, если...

Даня так резко остановился, что она почти врезалась в его напряженную спину.

— Что ж. Может быть...

Мия вышла вперед и посмотрела на него снизу вверх, осторожно кивая.

— Отдохнем сегодня, а вечером поедем обратно?..

Она видела, что с каждой минутой Даня выглядел все более уставшим. Словно перестав держать контроль над тем, чтобы никто не пострадал от проклятия, он постепенно терял и силы.

— Ну, наверное, — протянул он, — но нам нужно куда-то деть машину...

— Я знаю отличный отель с парковкой, — уверенно заявила Мия.

Даня кивнул.

Внутри приятно потянуло от мысли, что они смогут провести рядом еще целый день. Она удивилась сама себе: кладбище с привидениями как будто даже отошло на задний план.

Мия подумала, что могла бы предложить много других вариантов. Утренний Сапсан, например, а каршеринг можно оставить в городе. Или же она могла сесть за руль — она не чувствовала себя такой уж усталой. Но... она не предложила, как не предложил и Даня.

И ей очень захотелось остаться ненадолго одной, чтобы все это как следует обдумать.

Глава 9.

Мия действительно знала неплохой отель в Петроградском районе, недалеко от «Горьковской». В свое время они с друзьями потратили довольно много времени, чтобы обнаружить в центре что-то адекватное по цене и с парковкой, да еще и где готовы были принять постояльцев в любое время суток.

Она порадовалась, что настояла на гостинице. Пускай Даня и храбрился, и не дал ей сесть за руль самой, Мия все отчетливее видела, как сильно он на самом деле вымотан. Она решила пока не донимать его расспросами. Главное было добраться до отеля и дать ему отдохнуть.

К счастью, гостиница по-прежнему работала круглосуточно. Их пропустили в узкий двор-колодец, где они оставили машину. Мия даже думать не хотела, сколько стоит каршеринг на такое количество времени. Даня, как она поняла, не испытывал никаких финансовых трудностей. Интересно, как он сохранял средства на протяжении всего того времени, что жил среди людей — но и для этих вопросов сейчас было не время.

Когда они зашли в отель, Мия на секунду ощутила себя героиней любовного романа: вот сейчас им скажут, что остался всего один номер. Разумеется, с одной кроватью.

Ничего такого не случилось. Им спокойно дали ключи от двух отдельных одноместных номеров. Пока Даня оплачивал проживание, Мия пыталась затолкать подальше ненужное чувство разочарования, которое охватило ее безо всякого ее на то желания.

А еще было так странно остаться одной. Она за эти дни привыкла к тому, что ее благополучие зависит от соседства Дани. Ей казалось, что она почувствует снятие проклятия хоть как-то. Но нет. Ничего почти и не изменилось, однако Даня отпустил ее в пустой номер без сопровождения. Значит, все хорошо.

Тем не менее, его отсутствие она чувствовала — и это раздражало.

Она приняла душ, а потом упала на широкую односпальную кровать. Свежие простыни приятно охладили кожу. Мия достала телефон и посмотрела на часы. Время постепенно шло к тому моменту, когда большинство уезжает на работу. Еще немного, и откроются магазины...

Стоило хотя бы немного поспать, но режим уже сбился и спать не хотелось.

Вместо этого в голове стали мелькать беспокойные и бесполезные мысли, всплывать воспоминания. Например, о том, сколько же раз она пыталась ходить на свидания. И о том, сколько раз такие свидания заканчивались попытками поцелуя со стороны ее спутников. Как замирала она каждый раз напряженно, словно восковая кукла. Все в ней: и эмоции, и тело — сопротивлялось чужим.

Она раз за разом пыталась, сама иногда предлагала встречи, чтобы убедить себя, что с кем-то что-то да получится. Она знала, что это ненормально. То есть наверное для кого-то было нормально, но не для нее — потому что она хотела любви.

Ей хотелось эмоции, хоть какой-то. Не-равнодушия внутри, не-пустоты. И потому она так злилась на себя за симпатию к хмурому светловолосому бариста. Но до настоящего знакомства с ним она по крайней мере могла убеждать себя, что это пустые фантазии. Теперь же, после того, как они пережили вместе столько всего, после того, как она узнала, кто же он на самом деле — ничего никуда не делось, все эмоции остались внутри и, кажется, стали еще сильнее.

Он был резким, замкнутым, совершенно не располагающим к себе и не стремящимся расположить.

А еще сильным, заботливым, но не громким, неприхотливым, отстраненным, но при этом необъяснимо теплым и надежным. В нем не было ни капли очевидной привлекательности Габриэля, но он казался Мие куда красивее наглого архангела. И она никак не могла забыть, какими его волосы были на ощупь, как и то, как он держал ее руку в своей руке.

Что ей теперь было со всем этим делать?

Она ожидала чего-то такого от себя. Если уж влюбляться, то в кого-то невозможного, недоступного. Образцовая контрзависимость. Какой-нибудь онлайн-психолог наверняка смог бы посвятить ей целый эфир в своих соцсетях.

Ладно. Она зарылась лицом между двух подушек и тяжело вздохнула. В рот попал кусочек наволочки.

Если бы Даня был не Даней, а просто... Ну, если бы он не был тем, кто он есть, что было бы? Например, она бы пригласила его на свидание. Что тогда?

Он наверняка бы ей отказал! И он бы точно сделал это грубо.

Хотя, скорее, не грубо. Пробурчал бы что-то, ушел и закрылся бы от нее.

А если бы?.. Допустим, хорошо, он согласился. Они бы пошли... Куда?

Мия поняла, что опять покраснела. Она перевернулась на спину и фыркнула на себя.

Ну да, в ресторан, конечно. На танцы. Гулять по улицам и любоваться закатом. Именно так. Им точно будет очень плохо рядом. Неудобно. Да о чем она! Ему неприятно даже тогда, когда она случайно оказывается рядом — он так странно смотрел на нее тогда у ограды, когда держал на руках, да и до этого. Он только и мечтает поскорее избавиться от такой обузы.

И вот опять она думает о нем, как об ангеле. Она же просто хотела пофантазировать о том, какими бы ужасными были их попытки построить отношения, если бы они оба были обычными людьми.

А Даня не был.

Не был человеком.

Сердце тут же кольнуло.

Не был.

Что он собирается с ней сделать, когда они вернутся в Москву? Сотрет ей память?.. Стоит ли спрашивать? А если не спросить — вдруг он сделает это без ее ведома? И она забудет все: и их общение, и проклятье, и Габриэля с Анастасией, и ночную трассу, и то, как Даня не дал пьяному мужчине доставать ее, и как остановил дерево, и как ел пирожок. И ее руку в его руке, и то, как его прикосновение успокаивает.

Мия перевернулась на бок и посмотрела на окрашенную в бежевый цвет стену.

Наверное, ей все же надо попробовать уснуть.

Получилось не сразу, но, судя по тому, что она через какое-то время распахнула глаза и долго не могла понять, что с ней и где она — все же получилось.

Она села на кровати, со вздохом потянулась к уставшему от нескольких дней ношения платью.

В зале для завтрака сидела только молодая пара. Дани не было. Мия подошла к двери его номера, но было тихо. Она решила не стучаться, боясь разбудить. Сходила к администратору, который сказал, что ее спутник на завтрак не выходил.

Мия решила поесть сама. Взяла кофе, кашу, сотворила нехитрый бутерброд. Даня так и не появился. Тогда она решила устранить то неудобство, которое раздражало ее сейчас больше всего.

Она вышла из отеля и отправилась на Каменноостровский проспект. После получаса в одном из знакомых ей магазинов она вышла в новом платье и в новом белье. Обычно она всегда стирала одежду после покупки, но сейчас решила преодолеть обычную брезгливость — чувствовать более-менее чистую ткань на себе было приятнее, чем продолжать ходить в том, что было на ней.

Мия вернулась в отель. В зале для завтраков Дани по-прежнему не было. Администратор сказал, что тот не выходил. Она подошла к двери в его номер и к своему облегчению смогла различить самый обыкновенный и довольно отчетливый мужской храп.

Непонятно от кого скрывая тихую улыбку, Мия вернулась в зал для завтраков, где висела полочка с книгами. По-видимому, собрание отеля составляли те шедевры, которые посетители

посчитали настолько интересными, что решили поделиться ими с остальным миром. «Он - мое тайное искушение» «Девственная страсть», «Горные проказы», «Неистинный истинный».

Мия никак не могла выбрать среди одинаковых слегка бородатых брюнетов из «Искушения», «Страсти» и «Истинного», поэтому решила почитать «Проказы». Совсем не потому, что на обложке был блондин, вовсе нет.

Обычно она не читала такую литературу, но выходить еще раз и искать книжный ей было лень. Она опять устроилась в кровати, решив подумать обо всем этом как о неожиданном, пусть и очень странном отпуске.

Первые несколько эпизодов с участием храброго светловолосого путешественника, случайно попавшего в лапы жадного до мужских ласк гарема оказались смущающе-волнительным. Но к своему разочарованию на пятом эпизоде массового ублажения Мие стало немного скучно и стыдно от однотипного подбора слов. Несмотря на то, что она никогда не разделяла с мужчиной постель, наивной или неосведомленной она не была и полагала, что физиология того, что предстало перед ней на страницах романа, более чем фантастична.

Где-то в середине книги ей стало так неинтересно, что она, видимо, снова уснула.

В этот раз она опять проснулась сама. Солнце за окном, вместо утренней яркости, отдавало вечерней усталостью. Быстрый взгляд на экран телефона подтвердил ее догадки: режим был сбит окончательно, и она проспала почти целый день. Хорошо, что они оплатили номер с запасом.

Мия в очередной раз умылась и вышла в коридор. Дани нигде не было видно, и она решила наконец постучать к нему в дверь.

Только после второй серии деликатного стука в его номере началось какое-то движение. Дверь приоткрылась, куст растрепанных белых волос мелькнул в проеме.

— Сколько времени? — сипло спросил Даня без каких-либо приветствий.

Мия заметила, что футболка на нем надета шиворот навыворот.

— Семь часов вечера, — ответила она, опять пряча улыбку.

— Люциферовы крылья... Я сейчас.

— Там... У тебя... — Мия успела махнуть рукой и показать на футболку.

То, что процедил сам себе Даня следом, было, кажется, вполне обычным и довольно крепким ругательством.

Дверь захлопнулась перед носом Мии с такой силой, что несколько прядей подлетели наверх.

Она вернулась к себе, собрала сумку и вышла в зал. Даня появился почти сразу. Обвел помещение глазами, остановился взглядом на ней. Нахмурился.

— Что такое? — она не сразу поняла его реакцию.

Даня вглядывался все пристальнее.

— Я... Как будто... — Он выглядел озадаченным. — Хотя... Ничего, прости, мне показалось.

Платье, поняла Мия. Она купила новое платье, тоже клетчатое, но немного короче и другого цвета. Совсем другого, если говорить прямо, но Даня, кажется, этого не понял. Можно было подсказать ему, но Мия из какой-то странной внутренней прихоти решила не лишать себя возможности понаблюдать за забавным смятением на его лице.

— Тут только завтраки, — вместо этого сказала она, — ты не против где-то поесть?

— Как хочешь. — Даня изобразил равнодушие, но глаза его загорелись.

Она помнила, что рядом была хорошая столовая.

— Тут не слишком... Эстетично, — сказала Мия, когда они, выписавшись из отеля, перешли дорогу и зашли в полуподвальное помещение со столиками и киоском с раздачей еды.

Даня улыбнулся уголками губ.

— Я понимаю. — Он пропустил Мию вперед и взял поднос. — Я работал в столовой.

— Работал?.. В столовой? — переспросила она, наблюдая, как Даня спокойно берет себе морс.

— Да, а что? — Он пожал плечами, а потом попросил борщ у приятной женщины в белом переднике. — Времена бывали разные.

Мие было очень интересно, всегда ли Даня работал там, где мог накормить людей. Это не слишком сочеталось с его видимой нелюдимостью, но довольно неплохо — с тем, что она уже про него поняла.

Даня опять не дал ей заплатить. Они сели за столик в дальнем и самом пустом углу. Мия почувствовала щекочущее смущение: почему-то этот прием пищи казался донельзя близким, слишком обыденно-будничным, чтобы произойти между двумя не очень хорошо знакомыми... существами. Даже пирожки и сон в машине казались не столь стеснительными.

Поэтому, стараясь есть как можно опрятнее, Мия решила выбить клин клином и наконец разобраться, чему же она стала свидетелем в кафе.

— Скажи, а почему ты тогда... То есть, когда я пришла в кафе, мне показалось, что... — Все же духа задать вопрос без запинки у нее не хватило, но она смогла закончить. — В общем, мне показалось, что ты не отвечал на удары Габриэля.

Даня ответил не сразу. Он отправил вилку гречки в рот, задумчиво прожевал, сделал глоток морса. Потом пожал плечами.

— Не отвечал.

— А почему? — Мия очень боялась, что он не ответит. Это бы значило, что он на самом деле совершенно не доверяет ей.

— Потому что не хочу доставлять ему радость своим ответом. — Даня криво усмехнулся. Он сделал еще один глоток.

— Для Габриэля нет пути назад. Наверх. То, что он сделал с девушкой, с Анастасией... С ее душой. Это не прощается. Шансов у него нет.

— А у тебя есть? — Мия рассердилась на себя за то, как странно екнуло ее сердце.

— А я меня — есть. — С нажимом ответил Даня. — Если я буду выполнять свою миссию, если я буду... Если я буду вести праведную жизнь. Я вернусь. Однажды. А Габриэлю скучно. Я — самый близкий из наших сородичей. Поэтому он периодически приезжает, чтобы, как он это называет, пообщаться. Все его общение сводится к тому, чтобы вывести меня из себя.

— Как задира в школе. — Мия покачала головой.

Даня усмехнулся уже искренне.

— Ты же помнишь, что я никогда не ходил в школу?

Мия фыркнула в свой компот.

— Прости. А у вас нет, я не знаю, каких-нибудь школ для ангелов?

Даня улыбнулся.

— Что-то около того. У нас есть библиотека, правда, ее не обновляли с пятнадцатого века, когда ангел-библиотекарь решил пасть. Он все еще живет в Лондоне, требуя, чтобы его не смели возвращать наверх, потому что у людей слишком много интересных книг. Еще нас учат сражаться на мечях. И быть праведными. Пожалуй, это все.

Вопросов опять появилось столько, что Мия решила не спрашивать ничего.

— Прости, что из-за всего этого тебе пришлось... пообщаться с Габриэлем, — вместо этого сказала она.

— Ничего. — Даня пожал плечами. — Возможно, за это меня оставят тут еще на пару-десять лет, но по крайней мере я наконец... Эм... — Он вдруг явно смутился.

— Ударил его по лицу? — Мия прикусила губу, чтобы не улыбнуться слишком открыто.

— Да. — Даня отправил в рот кусок мяса по-французски. — В каком-то смысле каждый из нас добился своего. Ты тут не причем.

Последнюю фразу он добавил поспешно. Мию это немного задело, но она постаралась не вспоминать слова Габриэля прямо перед тем, как Даня его ударил.

Строишь святошу, а зайди речь о девчонке...

Даня просто сорвался. Не из-за того, что именно Габриэль сказал. Просто его вывела из себя вся ситуация. Она и правда тут не причем.

— А Анастасия?.. Она... Сколько она будет так? — спросила она.

Даня пожал плечами.

— Габриэль может поддерживать ее в этом состоянии сколько угодно. Ей нельзя надолго соединяться в одном теле, иначе она погибнет. Если она будет постоянно разделяться на три тела, она может существовать столетия.

— И сколько времени уже прошло?.. Ты говорил, больше ста пятидесяти лет?

Даня нахмурился, вспоминая.

— Когда же это было... Я приехал тогда на разбирательства... Это была осень, я помню, да. Это был день, который будут считать несчастливым, но тогда никто не обращал на эти даты внимания. Пятница, 13-е, поздняя осень... Через несколько лет после того, как Скрябин умер. 42-43-й, в девятнадцатом веке, разумеется. Интересно, как же все-таки Габриэль узнал, что случилось и успел... — голос Дани стал задумчивым. — Он был Наверху. Он бы не почувствовал.

— А как он мог узнать?

— В том-то и дело, что не представляю. — Даня покачал головой. — Как бы то ни было, с тех пор они так и существуют. А я тогда потратил кучу времени с другими ангелами, чтобы разобраться что к чему. Провел здесь почти месяц. С тех пор я почти не бывал тут. Пару раз, кажется.

— Но ты как будто неплохо ориентируешься, — заметила Мия, — и в дорогах, и во всем.

— Все везде одинаковое. — Даня сложил приборы в пустую тарелку. — Люди, города.

— Ладно, — Мия опустила глаза в тарелку, — Но в Питере красиво, жаль, что тебе тут не нравится.

— И что же тут красивого?

Когда Мия подняла на него глаза, она увидела, как Даня хмурится с явным скепсисом.

— Для того, кто видел все и ничему не удивляется — наверное ничего, — извиняюще улыбнулась она. — Но я готова просто гулять тут и смотреть по сторонам. Тот же закат — лучшего места, чем поехать любоваться им в Севкабель, просто нет...

Даня взял поднос в руки.

— Нам пора обратно, — сказал он. Кажется, он ее больше не слушал. Чувство глупой, бесполезной влюбленности сдавило грудь. Вот оно как, оказывается. Эмоции без ответа. Холодное и невнимательное существо. По крайней мере, так будет легче его забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.